

ШКОЛЬНИЙ ВЕСТИНИК

6+

3/2018

Учредители журнала: АО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	СОДЕРЖАНИЕ	
Главный редактор Ю.И. Кочетков	Людмила Митрохина. Дорога жизни	1
Редакционная коллегия: С.В. Винокурова В.И. Горбатов В.З. Денискина И.Н. Зарубина О.В. Клековкина Ю.И. Котов В.В. Кулешов Т.М. Морева И.И. Семёнова А.П. Торопцев З.А. Шишкова	Дмитрий Померанцев. Инклюзия без иллюзий	12
	Анна Демидова. Ботанический сад МГУ другими глазами: специальные экскурсии	21
	ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ Глеб Еремеев. Второе открытие мира	29
	ПРОБА ПЕРА Даниил Хачатуров. Стихи Артём Медников. Мама Анастасия Анянова. Катя и волна	35 35 37
	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ Марина Платонова. Стихи Андрей Белый. Стихи	39 41
	АЗ, БУКИ, ВЕДИ Андрей Сунгуров. Стихи Ирина Антонова. Истории серебряного луга	54 57
	Ирина Краева. Колямба, внук Одежды Петровны, и вся весёлая компания	69
	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ Лариса Шевцова. Урок 25	89

ДОРОГА ЖИЗНИ

В мире существуют разные утраты, как восполнимые, так и невосполнимые, от которых в душе разливается горечь и печаль, которые невозможно заполнить ничем и никем. 27 января 2018 года в День снятия блокады Ленинграда ушёл из жизни Олег Ефимович Зиновьев, блокадник, тотально слепой художник, посвятивший свою жизнь изобразительному творчеству, мужественно преодолевавший с юношеских лет болезнь, приведшую его к полной слепоте.

Вся жизнь Олега Ефимовича — это образец мужественности, творческого горения, постоянного преодоления жизненных препятствий и огромной силы воли в достижении поставленных целей. А главной целью он считал постижение тайн художественного отображения действительности, освоение техники рисунка, акварели, а позже ваяния и резьбы по дереву.

Прожив полные восемьдесят лет, Олег Ефимович пришёл к выводу, что, оказывается, детство — это самое богатое по яркости чувств и полноте эмоций время, когда жизнь принималась такой, какой была, и познавалась с огромным интересом через радость, удивление, боль и страдание.

Олег Ефимович вспоминал: «Для меня осталось лишь несколько радостей — школа, рисование и улица. Рисовал я тогда только карандашами, другое было недоступно. Придумал ещё один способ: маленькие кусочки белых тряпок натягивал на самодельные рамочки, брал на кухне из плиты уголь и рисовал углём по ткани. Однаж-

ды мне подарили картонную палитру с пуговками цветных красок, а кисти не было. Тогда я осторожно отрезал у домашнего кота Васьки кончик шерсти с хвоста, привязал к палочке, и получилась кисть, которой я с большой гордостью рисовал красками. С тех пор я представлял себя художником».

Часто у него перед глазами, как воспоминание, возникала толстая книга, случайно попавшаяся ему в библиотеке, под названием «Пособие для художественных заведений». Книга потрясла его — ведь это было то, чего ему так не хватало. Он мог учиться рисовать по настоящим урокам мастерства. После школы он с нетерпением бежал домой, чтоб скорее открыть эту волшебную книгу и страницу за страницей переписывать в толстую тетрадь. Мало того, все до единой иллюстрации он бережно переводил на кальку. Он впитывал в себя каждую деталь, изучая линии, штрихи, полутона и тени. Возвращался к одному и тому же тексту много раз, чтобы вникнуть в суть сказанного и, главное, повторить самому.

Олег вырослел, достиг зрелости. Мечтал попасть в армию, чтобы почувствовать себя мужчиной. Но в армию его не взяли, впервые определив на отборочной военной комиссии его плохое зрение, которое он считал по незнанию нормой. Ему поставили страшный диагноз — синдром Ушера, редкая неизлечимая болезнь, которая может привести к тотальной слепоте. Самое печальное, что с таким зрением он не мог поступать ни в одно высшее художественное учебное заведение. И он пошёл своим путём — доступного обучения для приобретения специальности, связанной с художественным творчеством.

Олег Ефимович занимался росписью фарфора на Ленинградском Ломоносовском фарфоровом заводе, где стал быстро терять остатки зрения из-за вредных препаратов и едких красок. Работал на киностудии «Леннаучфильм» и много лет на Ленинградской студии телевидения, создавая серии мультипликационных образов, телепередач, в том числе детской передачи «Ребятам о зверятах».

Но наступил трагический час: темнота поглотила остатки зрения, закрыв для него навсегда волшебную страну света и цвета. Тихое отчаяние сменялось протестующей яростью против судьбы. В этот момент рядом был близкий человек, его супруга Валентина Фёдоровна Зиновьева, которая поддержала его самоотверженной любовью и верой в него. И он понял, что начнёт вторую жизнь, вернёт себе творчество, друзей, всё, что потерял, потому что рядом был его друг, Валентина, и вера, озарённая надеждой.

Олег Ефимович приступил к освоению новой жизни. Он поставил себе целью самостоятельно передвигаться по изученным с супругой маршрутам. Он развивал свою память, максимально концентрировал своё внимание, не позволяя страху завладеть ситуацией. К примеру, на одной из своих, как он говорил, муравьиных троп он насчитал восемнадцать столбов и пять телефонов-автоматов, которые почему-то постоянно меняли своё расположение на тротуаре, словно фигуры на шахматном поле. Они перемещались то ближе к дому, то дальше от него или разворачивались под углом. Как грибы в лесу стали вырастать на пути разнообразные столбы с дорожными знаками и рекламные щиты магазинов. Но Олег Ефимович только улыбался и говорил, что у зрячих есть бег с

препятствиями, а у слепых — шаг с препятствиями. В соревновании в этом придуманном им виде спорта он точно был бы чемпионом.

Но он был и победителем в настоящих спортивных соревнованиях по марафонскому массовому забегу среди зрячих людей, пробегая трассу с лидером не хуже остальных. Спорт стал основной опорой в жизни слепого художника.

Он не хотел быть обузой жене, потому дома много чего делал самостоятельно. Ходил в магазин, убирал квартиру, отмывал до блеска каждую весну и осень окна во всей квартире, ловко управлялся с грязной посудой на кухне, наводил порядок в своей творческой мастерской, а главное, помня, где что лежит, всегда поддерживал идеальный порядок.

Увлечение объёмной пластикой к Олегу Зиновьеву пришло с полной потерей зрения. Пальцы художника стали его глазами. Они по мере работы с разными материалами стали приобретать особую чувствительность и обострённое осязание. Мозг рождает образы — пальцы воплощают их в материале. Художник овладевал мастерством скульптора своим индивидуальным путём, вырабатывая собственные навыки.

Скульптурные работы художника из глины, терракоты, шамота или смешанного по собственной технологии шамота с другими материалами можно условно разбить на малую пластику, объёмные композиции, лесные образы и портретную галерею. Шамот — это всегда ручная работа. Он выгодно отличается от гипса своей долговечностью, стойкостью к перепадам температур и просто визуальной привлекательностью. Изделия из шамота имеют сходство с природным камнем с его шероховатой

текстурой, с трещинками, сколами, как бы выветренными ветрами и вымытыми водой на протяжении веков.

Невозможно перечислить все работы художника, выполненные из шамота и терракоты, но нельзя не отметить такие, как «Иисус Христос возвращает зрение слепому», «Александр Невский», «Хранитель вечности», «Блокадная мадонна».

К абсолютной творческой удаче можно причислить работу Олега Зиновьева «Взгляд в себя» (шамот). Скульптурная композиция представляет собой фигуру сидящего человека, держащего в руках перед собой своё лицо, как бы отделённое от головы, в которой на месте лица — чёрная пустота. Художественный образ символизирует застывшее мгновение глубокого погружения человека в себя. Эта скульптура приобретена Государственным Русским музеем.

Олег Ефимович любил лес, любил бродить по нему, ориентируясь по тёплому солнцу, запоминая приметные тропы, пеньки, деревья, ухабы, из которых он в голове выкладывал свою дорогу туда и обратно. Часами собирал разные мелкие коренья, сучки, шишки, камешки, приносил и складывал свои сокровища в особый ящик, чтобы потом перебирать его чуткими руками, вырабатывая чувствительность пальцев, необходимую для ваяния и резьбы по дереву.

К дереву у Олега Ефимовича было особое отношение, как к живому существу. Каждое дерево обладает своими качествами, которые тонко ощущает рука скульптора. Оно может быть податливым и мягким, твёрдым и плотным. От дерева исходит живое тепло, в которых эти качества усиливаются от прикосновения рук и души мастера. Он сам вслепую затачивал инст-

рументы. Работу с деревом начинал с того, что ставил заготовку на большую берёзовую чурку, вкопанную в землю, снимал кору топором, потом внимательно её осматривал, определяя изъяны и сучки, чтобы от них избавиться. После каждого удара топора прощупывал то место, по которому ударил, чтобы знать, сколько ещё надо убрать. Определял размер будущей работы с запасом материала, снимал топором лишнее, делал пропилы. Затем брал широкую стамеску, киянку и, постукивая, вырезал общую композицию. За руками надо постоянно следить, чтобы не нанести случайного удара по ним. Большой палец левой руки должен постоянно чувствовать линию среза и получаемую форму. Это опасно, но иначе ничего не сделать. Все первые работы художника были пропитаны его кровью, и дерево становилось розовым.

Видеть умом, ощущать нервами, выстраивать память, передавать чувства формой — всё это достигалось Олегом Зиновьевым огромным трудом и является его великой духовной победой над поглотившим его мраком.

Рисунки Олега Ефимовича быстры, оригинальны и фантастичны. Зачастую он видел во сне свои образы и композиции, которые подолгу жили в его сознании. Наблюдать за тем, как он рисует, любили все, кто оказывался рядом. Происходило это так: он готовил планшет с мягкой подложкой, клал сверху лист чистой белой бумаги, брал в руки толстый графит и замирал. Его сосредоточенный неподвижный взор устремлялся к потолку, будто он увидел там что-то очень важное. И сам он, сидя на стуле, подбирался и вытягивался в струну. Через некоторое мгновение правая рука с графитом начинала метаться

в определённой точке листа, потом быстро неслась по нему, делая при этом на первый взгляд непонятные повороты. Пальцы левой руки почти одновременно, не отставая от графита, бежали по этой проведённой линии, передавая свою осязательную информацию в мозг. Так рисунок приобретал конкретные формы, что помогало внутреннему зрению представить полученное изображение. Чтоб не потерять в процессе рисования образ, Олег Зиновьев выполнял рисунок от начала до конца, не отрывая рук от бумаги. Стоит поднять графит вверх, оторваться от линии — сразу терялась связь с образом. Свои молниеносные рисунки без единого отрыва рук от листа бумаги художник определял ёмкой фразой: «За мыслью вслепую бежит карандаш».

Рисовал он людей, зверей, птиц, деревья, цветы, сюжетные композиции — всё, что жило в памяти, запечатлевшей прошлую зримую жизнь. Особо выделялись фантастические рисунки на чёрной бумаге белым фломастером, где он давал воображению полную свободу, представляя умозрительно космический мир с загадочными светящимися объектами.

Олег Ефимович очень любил акварель, а потому, несмотря на полную слепоту, не мог отказаться от этой техники. Рассматривая акварельные работы Олега Зиновьева, поначалу охватывает недоумение и сомнение, что это выполнил незрячий человек. В пейзажах присутствует «верный» цвет, соответствующий предметам и деталям в жизни, логика построения планов и выдержанные пропорции. Работа незрячего художника с цветовой палитрой требует огромного напряжения внутренних сил, так как достичь художественной реалистичности, не видя своей работы, почти невозможно. И здесь

Олегу Зиновьеву иногда помогает его «величество случай» — удачно выстроенная композиция с предельно скупым цветовым решением и... вдохновение.

Первое, что делал художник — лепил из пластилина множество «червячков», из которых выкладывал поэтапно «сюжетные линии» картины. Нанеся первую конфигурацию на черновой лист бумаги, он накладывал сверху ватман, вырезал по нему на ощупь рельеф, получая, таким образом, трафарет первого плана задуманной картины. Затем делал вторую конфигурацию из пластилина, накладывал ватман, вырезал второй рельеф, получая трафарет второго плана и так далее. По выложенным рельефам получались трафареты того, что должно быть изображено, будь то небо, горизонт, лес, дом, облака и т.д. Полученные трафареты, сложенные по порядку, закреплялись клеем или булавками в необходимой последовательности на акварельной бумаге и заполнялись нужной краской. Кстати, все акварельные краски имели свои метки по цветам, что позволяло художнику варьировать оттенками и тональностью по памяти. В завершении вся работа покрывалась необходимым тоном, для создания единства колорита. Так же он использовал в своих работах темперу.

Таким образом создавалось много интересных работ: «Таинство ночи», «Зимний пейзаж с околицей», «Скалы над морем», «Заоблачное солнце», «Сумерки», «Лунная дорожка», «Перед грозой», «Красный холм», «Закат», «Яблоневый цветопад» и другие.

Олег Ефимович был страстным мечтателем. И во время марафонских городских забегов с лидером он любил представлять для себя иной город, который подарит радость всем живущим людям, зрячим и незря-

чим. Ему казалось, что он бежит по такому городу, представляя в своём воображении город грядущего:

«Я вижу город грядущего. Мне кажется — я уже бегу по нему. На моей груди лёгкий говорящий навигатор с наушниками, который заменяет мне лидера при беге, направляя по намеченной трассе к цели, поворачивая туда, куда надо, обходя почти не существующие для передвижения препятствия.

Никаких выхлопных газов — всё на солнечной энергии и электричестве. Грузовой транспорт передвигается под землёй, легковой — парит над крышами домов по прозрачным мостам, опускаясь к домам по бесшумным лифтам и спиралевидным трассам. Небо открыто для солнца без многочисленных переплетённых проводов и антенн, сеткой накинутых на город.

Бесшумные городские трамваи скользят по рельсам, ограждённым декоративными барьерами, издавая приятные опознавательные звуки, с названием номеров и остановок. Пешеходные переходы автоматизированы так, что трамвай не тронется с места, пока не пройдёт последний человек и не сомкнутся барьеры. Тротуары слились с дорогами, оставив место в центре трамваям.

Под ногами на тротуарах рельефные направляющие, и никаких уродливых рекламных щитов и стендов, кормящих чиновников, которые никто и никогда не читает, ведь рекламировать будет нечего — не будет плохой продукции, а хорошая и без рекламы востребована.

Что такое люки — забудут все. На улицах и тротуарах нет снега, льда, соли, луж, песка и грязи, так как осадки не успеют замёрзнуть на тёплых тротуарах и незамерзающих крышах, незаметно просачиваясь через новое покрытие дорог, как через губку, под землю.

Не торчат жестяные коробки торговых монстров, похожих на гигантские сараи, только множество магазинчиков с доброжелательными продавцами. Ручки дверей всех магазинов для узнавания разной формы: бублик — для булочных и кондитерских, рыбка — для продуктовых, рога — для молочных, цветок — для цветочных, туфля — для обувного... Все деньги с рельефно-точечной меткой.

Множество скверов, парков, садов с поющими птицами, удобными скамьями. В каждом доме свой бассейн, спортивный клуб и художественная студия. В библиотеках любую книгу можно получить с брайлевским шрифтом.

Пьесы для слепых, глухих и глухонемых поставлены в каждом театре, радиоспектакли с озвученными шумами, музеи с возможностью беспрепятственного посещения инвалидами.

У каждого будет свой дом в большом доме, как множество гнёзд в одной огромной скале. Дом будущего будет приспособлен к среде, к другим домам, к городу, охраняя от враждебного мира. Кибернетика сделает дом прозрачной капсулой с лучами, сходящимися к нему со всего неба. Вход в дом будет открываться не дверными проёмами, а экраном. Дом будущего приспособится к техносфере — ведь мир есть всегда и везде, а человек лишь здесь и теперь. Тем, кто уже не может передвигаться, этот дом создаст виртуальную реальность. Надо только надеть шлем, заменяющий слух и зрение, который воссоздаст иллюзорный мир, чувственно неотличимый от подлинного. Главное не потерять связь с природой, чтобы не стать пленником искусственного сконструированного мира, в котором человек может стать

жестоким, равнодушным, как механизмы, и неуёмным деспотом с хищным аппетитом.

Человек равен миру, в котором живёт и получит от этого мира то, что сам создаст или потеряет. Я слышу, как вокруг щебечут счастливыми голосами дети, воркуют влюблённые, переговариваются, вспоминая свои лучшие годы, старики и торопятся жить энергичные люди».

Олег Ефимович познал на себе и понял, что слепота живёт не в глазах, она поселяется в сознании, в душевной пустоте, в бездуховности никчёмной жизни. Много таких «слепых» фарисеев повидал он на своём веку. Есть день и ночь, есть свет и тьма, добро и зло, и всё это присутствует в природе и в человеке в той же мере и пропорции. К чему будешь стремиться, то и победит в тебе, то и получишь сполна.

Художника не стало, но его произведения с каждым днём набирают силу, наполняются чувством, оживают под взглядом неравнодушного зрителя, оставляя в душе неизгладимое ощущение восторга и удивления, что это сотворил тотально слепой мастер, рукой которого водили любовь к земле и людям, пылкая фантазия и талант. Имя Олега Ефимовича Зиновьева, талантливо-го художника, члена Союза художников России, останется в нашей памяти как образец мужественности и духовной победы над темнотой и любыми жизненными препятствиями.

ИНКЛЮЗИЯ БЕЗ ИЛЛЮЗИЙ

Для кого-то это были игры на свежем воздухе с участием условно здоровых людей и людей с ограниченными возможностями по зрению. Для кого-то — открытие, раскрутка и вывод на самоокупаемость бизнес-проектов с участием инвалидов. Для кого-то — возможность для незрячих и слабовидящих обучаться и работать наряду и вместе со зрячими. Но в целом все делали одно общее, нужное, важное дело. Таков был главный вывод большинства участников очного тренинга «Мастерская взаимопонимания», проходившего с 24 по 27 февраля 2018 года в Нижегородской области в районе города Дзержинска недалеко от посёлка Желнино в загородном комплексе «Ранчо 636». Тренинг осуществлялся в рамках проекта «Инклюзия без иллюзий» и подытожил собой целый цикл вебинаров, вызвавших большой интерес практически во всех регионах страны.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ. ЗАЕЗД И ЗНАКОМСТВО

Началось мероприятие вполне традиционно: с заезда и взаимного представления участников. Впрочем, большинство из них уже давно были знакомы заочно, поскольку работали в одной сфере и решали схожие задачи. Собственно, тренинг не зря назывался очным: одной из его целей было налаживание личных контактов между представителями общественных организаций, учебных и социальных учреждений, работающих с инвалидами по зрению. Около сорока участников из самых разных регионов России — от Владивостока до Севас-

тополя собрались в этот день на гостеприимной Нижегородской земле. Большинство делегатов сами являлись либо незрячими, либо слабовидящими людьми.

Строго говоря, мероприятие началось ещё накануне, когда на «Ранчо» прибыли представители принимающей стороны — Нижегородского областного центра реабилитации инвалидов по зрению «Камерата» и Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Благодаря их заботам и усилиям был подготовлен и оборудован конференц-зал, на дверях жилых комнат появились таблички с номерами, набранными шрифтом Брайля, а в местном баре — брайлевское меню.

Официальную программу мероприятия открывал коммуникативный тренинг «Я бы на твоём месте», подготовленный и проведённый юристом центра «Камерата» Вячеславом Царегородцевым. В рамках тренинга участникам было представлено несколько сюжетов, описывающих различные конфликтные ситуации с участием граждан с ограниченными возможностями по зрению. К примеру, незрячему студенту было отказано в общежитии, незрячей паре — в регистрации брака, незрячим пассажирам — в бесплатном проезде вместе с ними собак-проводников, незрячую посетительницу не пустили в ресторан, а одну молодую незрячую мать и вовсе едва не лишили родительских прав — якобы из-за неспособности должного ухода за ребёнком и возникновения в этой связи угрозы жизни и здоровью последнего.

Все описанные журналистами случаи были тщательно изучены и проанализированы собравшимися. В результате в большинстве из них состава преступления обнаружено не было. Речь в основном шла не столько о каком-либо злом умысле или тем более сознательной

дискриминации инвалидов со стороны официальных лиц, сколько об элементарной неспособности человека адекватно коммуницировать с окружающими и вести себя в общественном месте (случай с общежитием), некомпетентности кондуктора и упущении администрации автовокзала, не проведшей необходимого инструктажа с сотрудниками (история с собаками-проводниками) и т.д. Причиной стресса молодой матери оказалась преувеличенная забота сотрудников роддома о благополучии её малыша, а огорчение молодожёнов объяснилось несовершенством Семейного кодекса. Не они первые по недостатку зрения на эти грабли наступили, и, увы, не они, судя по всему, последние. Просто поехали ребята в другой город, где сотрудники ЗАГСа оказались чуть менее принципиальными или же чуть более человечными, и там зарегистрировали свой брак.

Помимо реальных случаев участники тренинга смоделировали и инсценировали несколько гипотетических конфликтных ситуаций, по поводу которых сами же потом и провели разбор полётов. Основной вывод был такой: главной проблемой инвалидов является не пресловутое негативное отношение к ним в обществе, но отсутствие у людей информации об их истинных возможностях и потребностях. В основе значительной части конфликтов лежат самые что ни на есть благие намерения (достаточно вспомнить случай в роддоме). Задача человека с ограниченными возможностями — информировать окружающих, а также искать и находить компромиссы. Большинство конфликтов можно было избежать, если бы люди лучше умели управлять своими эмоциями.

ДЕНЬ ВТОРОЙ. ИГРА — ДЕЛО СЕРЬЁЗНОЕ

Именно об эмоциях, а также о способах совладать с чересчур бурными их проявлениями пошла речь с самого утра второго дня форума. Формат тренинга уже сам по себе подразумевает некое игровое начало. Нижегородцы Роман Бурцев и Наталья Кедр, авторы и ведущие психологического тренинга «Как сделать эмоции умными», предложили гостям увлекательную программу, позволяющую сочетать отдых и развлечение с поиском ответов на злободневные вопросы: как обуздать собственные чувства и надо ли их обуздывать? Стоит ли транслировать окружающим свои эмоции или, напротив, заражаться их настроением? Делятся ли эмоции на конструктивные и деструктивные, и чем принципиально положительные эмоции отличаются от негативных?

После обеда слово взяли гости из Севастополя. Сотрудник автономной некоммерческой организации «Белая трость» Александра Лазарева и студентка третьего курса факультета психологии Севастопольского филиала МГУ им М.В. Ломоносова Александра Дячук рассказали участникам семинара о навыках коммуникативных компетенций взаимодействия со слепыми и слабовидящими, а также о предстоящем третьем Всероссийском конгрессе людей с ОВЗ, который пройдёт в Севастополе осенью нынешнего года.

После этого эстафету подхватили представители Тюменского государственного университета Степан Панов и Диана Красикова-Платон, которые продемонстрировали презентацию технологий инклюзивных игр в ВУЗе, а затем на практике провели одну из них. Суть игры оказалась предельно простой: разбитым на команды участ-

никам надлежало совместными усилиями слепить из пластилина некоего человека будущего, а затем подготовить и провести презентацию своего творения. При этом зрячие члены команды должны были надеть на глаза тёмные повязки. По единодушному мнению собравшихся мастер-класс по пластилинографии стал одним из ключевых моментов тренинга, ибо не только наглядно проиллюстрировал возможность совместных мероприятий для зрячих и незрячих людей, но и способствовал налаживанию дополнительных межличностных коммуникаций.

Вечер завершил ещё один доклад Александры Лазаревой и Александры Дячук: «От личной инициативы через социальные проекты к инклюзивным сервисам», в котором, по сути, рассматривались перспективы вывода социальной сферы на хозрасчёт и самоокупаемость. Тема вызвала острую дискуссию своей неоднозначностью: подобные попытки в нашей стране уже предпринимались, и все прекрасно помнят, чем они завершились. Большинство участников импровизированного круглого стола сошлись во мнении, что проекту определённо недостаёт не только дискуссионной аргументации, но и конкретных материальных обоснований.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. ВСТАНЬ НА МОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ

Проблем у слабовидящих людей на самом деле не меньше, а подчас и больше, чем у незрячих. Об этом поведала участникам тренинга Екатерина Чупахина, специалист по ориентированию и мобильности Комплексного центра по социальному обслуживанию населения Центрального округа по Железнодорожному, Заельцовскому и Центральному районам города Новосибирска в

рамках доклада об особенностях взаимодействия со слабовидящими людьми.

Положение в обществе человека с минимальным остатком зрения или совсем без него достаточно чётко регламентировано и определено, чего нельзя сказать о людях с глубокими нарушениями зрительных функций, не позволяющими, однако, считать их слепыми.

Зрение такого человека может быть туннельным, когда он смотрит на мир словно бы через замочную скважину. Может быть периферическим, когда изображение в центре обзора отсутствует, но может улавливаться уголками глаз. Зрение может быть пигментным, когда человек смотрит на мир как бы через решётку, верхним и нижним, дневным и ночным, лево- и правосторонним.

Здесь возникает проблема эксцентрического зрения, когда слабовидящий человек вынужден скашивать глаза или поворачивать голову под неестественным углом для того, чтобы хоть что-нибудь рассмотреть, что нередко трактуется окружающими как проявление нарушений функций опорно-двигательного аппарата, а то и психики.

Чтобы не быть голословной, докладчик предложила зрячей части слушателей примерить специальные очки-симуляторы, моделирующие эффекты различных зрительных расстройств. После нескольких не всегда успешных попыток сориентироваться в пространстве конференц-зала вызвавшиеся добровольцы вынуждены были признать, что проблема слабовидящих людей стоит не менее остро, чем у незрячих, и требует своего отдельного решения.

Екатеринбуржец Сергей Сырцов, главный редактор журнала «Люди, события, творчества», активист авто-

номного некоммерческого общества «Белая трость», поделился опытом проведения очных просветительских и разъяснительных мероприятий и рассказал о формировании адекватного представления людей об инвалидах по зрению, а также о воздействии через соцсети и взаимодействие со СМИ. При этом приводились примеры различных публикаций, в которых журналисты демонстрировали разную степень осведомлённости в освещаемом вопросе — от вполне компетентных и профессиональных до практически курьёзных, превращающих ставшего героем публикации инвалида (нередко из самых лучших побуждений со стороны автора!) в некоего карикатурного монстра.

Тему продолжила ещё одна представительница Новосибирска — Светлана Васильева, руководитель образовательного проекта EISchool компании «Элита групп», преподаватель авторского спецкурса «Социальная журналистика» в Новосибирском государственном университете, выступившая с докладом «Социальная реклама и информационные сюжеты как инструмент изменения общественного мнения». В самом начале докладчик предложила слушателям самим определить, в чём заключается отличие социальной (она же — общественная, она же — некоммерческая) рекламы от коммерческой. Затем совместными усилиями было установлено, в чём состоит главная трудность взаимопонимания между НКО и прессой: первые видят проблему изнутри, вторые рассматривают её извне.

По завершении лекции слушатели смогли принять участие в конкурсе сценариев и инсценировок, рекламных роликов и информационных сюжетов на социальную тематику, и здесь делегаты смогли немного расслабиться-

ся, поскольку некоторые из команд отнеслись к заданию не только творчески, но и со здоровым чувством юмора.

В завершение самого, пожалуй, насыщенного дня тренинга Екатерина Гаврилова, представлявшая на форуме автономное некоммерческое общество Научно-исследовательский центр «Образование. Качество. Отрасль» (г. Энгельс Саратовской области), рассказала о проекте «Молодой педагог инклюзивной школы», об особенностях использования информационных технологий в инклюзивном образовании незрячих и слабовидящих студентов, об актуальности данного вопроса, а также об организационных и психологических трудностях, которые возникают в процессе его решения.

ДЕНЬ ЧЕТВЁРТЫЙ. ХОРОШО, НО МАЛО

Тренинг завершало выступление руководителя тифлоинформационного центра Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского Марины Роциной на тему «Социальное проектирование, или Откуда что берётся». Не секрет, что конкуренция среди авторов социальных проектов за последние годы выросла в десятки, если не сотни раз. Ужесточились и требования потенциальных грантодателей как к содержанию, так и к форме выдвигаемых на соискание грантов проектов.

С чего следует начать потенциальному грантополучателю? Разумеется, с поиска конкурса. Условия и задачи конкурса должны соответствовать профилю организации. Особое внимание следует обратить на правильность заполнения документов и строгое соблюдение сроков их подачи.

Соискатель в обязательном порядке должен обозначить проблему, причём к перечню документов желатель-

но приложить дополнительное обоснование значимости проблемы.

Не бывает ни одной грантовой заявки без целей. Цель непосредственно связана с решением проблемы.

Цель раскладывается на составляющие, и получаются задачи. Задачи формулируются максимально конкретно.

Ожидаемые результаты должны включать количественные и качественные показатели и соответствовать задачам проекта.

Безусловно, ключевым и, пожалуй, наиболее болезненным моментом оформления заявки является вопрос финансирования. Бюджет предполагаемого мероприятия должен быть реалистичным и адекватным как в ту, так и в другую сторону.

По окончании выступления некоторые из слушателей в шутку заметили, что после настолько чёткого и исчерпывающего инструктажа у них просто нет шанса не выиграть тот или иной грант.

А если серьёзно, то, подводя итоги, участники форума признали тренинг удачным — как по форме, так и по содержанию — и вполне состоявшимся. И только дружно посетовали на его ограниченность по времени, выразив при этом надежду на продолжение общения и взаимопольного обмена мнениями и опытом.

Анна Демидова

Кандидат биологических наук

БОТАНИЧЕСКИЙ САД МГУ ДРУГИМИ ГЛАЗАМИ: СПЕЦИАЛЬНЫЕ ЭКСКУРСИИ

Из заснеженного дендрария здесь можно попасть в джунгли Амазонки, а оттуда — напрямик направиться в пустыни. Мы находимся в самом удивительном месте Москвы — Ботаническом саду Московского университета — старейшем ботаническом саду в нашей стране. Основанный в 1706 году Петром Первым, сад имеет долгую историю и уникальные коллекции растений.

Здесь мы, сотрудники сада, проводим самые разнообразные экскурсии. Это и детские праздники — знаменитые «Экспедиции в мир джунглей», и занятия для школьников, студентов, экскурсии обзорные, индивидуальные, тематические... Приезжают художники, музыканты, спортсмены, паломники... Сад открыт для посетителей круглый год.

В августе 2017 года у нас был открыт новый участок — «Сад пяти чувств». Это сезонная экспозиция создана при поддержке фонда «Со-единение». На шести деревянных столах были устроены грядки с ароматическими растениями с листьями разного размера и фактуры — мята, лаванда, шалфей... Именно эти растения мы впервые продемонстрировали не только людям с нарушениями зрения, но также и слепоглухим посетителям. Дети начинают считать на пальчиках те самые пять чувств: мы можем растения увидеть, прикоснуться к ним, понюхать,

попробовать на вкус. А ещё? Можем их послушать! Закрываем глаза и слышим голоса, доносящиеся с расположенной неподалёку детской площадки, и шум деревьев. Дети исследуют растения и гордо заявляют, что лаванда пахнет... мылом или стиральным порошком. Как тут не улыбнуться?!

Я работаю в саду с 2014 года и с каждым годом провожу всё больше и больше специализированных экскурсий для посетителей с нарушениями зрения. Мне нередко задают вопрос: как и почему я стала работать с незрячими и слепоглухими людьми? Ботаникой я интересуюсь с пяти лет. Однажды сильно заболела, лежала с высокой температурой. Вызвали врача, и мне определили диагноз «эпидемический паротит». От таких страшных слов мне стало ещё хуже.

Родители, чтобы как-то отвлечь меня, купили большую куклу, Лиду, в голубом платье. Она показалась мне бездушным куском пластмассы. Потом принесли какие-то конфеты, а вечером папа показал мне новую книгу. Это был «Школьный атлас-определитель растений». Меня ничего не радовало... И тогда папа забрал книгу себе. Через некоторое время вернулся со словами: «В этой книге есть ключ!» Как? Какой ключ?! Это был ключ для определения растений. Это поразило меня до глубины души. День за днём я стала перерисовывать растения из книги в обычную тетрадь в клеточку. Это было лучшим лекарством.

Когда я поправилась, стала искать и сравнивать со своим самодельным «определителем» все растения, которые находила в окрестностях родного города. Мы с папой даже несколько раз плавали в экспедиции на катере на другую сторону Галичского озера. Там впервые нашли на песке

очиток. Мне кажется, я всегда интересовалась биологией, да и живём мы среди лесов. Интерес к офтальмологии возник чуть позже. Из школьного учебника анатомии пере-рисовала сердце. Но «мотор» — он и есть мотор. А вот строение человеческого глаза восхитило меня: здесь всё так сложно устроено — радужка, хрусталик, сетчатка... Мне казалось, что в нашем городе есть только один незрячий человек. Это был высокий мужчина, выше забора, иногда он проходил в чёрном плаще, с белой тростью в руке. И была рядом с нашим домом организация общества слепых, разместившаяся в старой церкви. Я побаивалась этого места, о нём ничего не было известно. В дальнейшем читала разные книги по офтальмологии. А когда училась в МГУ, параллельно выборочно посещала лекции в медицинском университете. Мне разрешали.

В годы аспирантуры чуть было не перешла на биохимию, чтобы изучать белки-кристаллины, входящие в состав хрусталика глаза. Но диссертация по ботанике была почти готова, и заведующая аспирантурой сказала: «Защитись, а потом занимайся чем хочешь». Так получилось, что сейчас я занимаюсь и ботаникой, и работой с незрячими людьми. И в геоботанике, и в общении с невидящими людьми важна описательная работа. А откуда возникает познавательный интерес — это необъяснимо: он либо есть, либо его нет. Интерес к офтальмологии, к тифлопедагогике — давний — сохраняется и по сей день. У меня довольно много знакомых — невидящих полностью или частично: кого-то я сопровождала по городу, кого-то обучала вязанию, с другими мы смотрели растения в саду...

Дальше — череда совпадений или линия жизни? Зимой 2017 года я пошла на курсы, посвящённые особен-

ностям сопровождения слепоглухих людей, но не знала, что их организатор — фонд поддержки слепоглухих людей «Со-единение». Когда прошла практику, сдала все зачёты и получила удостоверение, через пару месяцев в нашем саду открыли новую экспозицию — «Сад пяти чувств», спонсором которой также выступил этот фонд. Посетила все доступные мастер-классы и лекции по тифлокомментированию, специализированные тактильные сады для незрячих людей в других странах. Моя идея и мечта как экскурсовода — чтобы тактильная экспозиция была круглогодичной, а не сезонной. А может — чтобы был создан отдельный специализированный сад. Ведь мечты сбываются?

27 января 2018 года мы провели первую экскурсию на дактиле, для людей с одновременным нарушением слуха и зрения, из дома слепоглухих в Пучково. И если стандартная экскурсия для зрячеслышащих посетителей обычно продолжается час или чуть больше, то для незрячих, слабовидящих и слепоглухих посетителей — около полутора или даже двух часов. Это происходит по ряду причин: требуется больше времени на словесные описания и комментарии, на дактильный перевод и, конечно, на тактильный осмотр растений.

Специальные экскурсии мы проводим в тесном сотрудничестве с кураторами отделений, подбираем растения для показа. Растения в саду строго неприкосновенны, и тактильный осмотр возможен только с экскурсоводом (кроме «Сада пяти чувств»). Считается, что тактильный осмотр «заразителен», что и другие посетители, видя наши группы, тоже будут трогать растения руками. Но в моей практике таких случаев не было. Наоборот, люди с пониманием относятся к этим требо-

ваниям — и сотрудники, и посетители. Охранники любезно открывают нам двери, и даже, когда нужно, один за другим «выдают» небольшие горшочки с растениями для показа.

В отделении суккулентов ставим специальный маленький столик с растениями. На экскурсиях показываем и кактусы, и стапелии, и орхидеи, и даже хищные растения. Часть экспонатов приношу из своих личных коллекций. Весной выбираю что-то цветущее на улице. Я не раскрою вам всех секретов по одной причине: лучше прийти в сад и всё посмотреть самому!

Площадь сада небольшая, всего шесть гектаров, но конфигурация дорожек довольно сложная. Для самостоятельного осмотра мы рекомендуем тактильный «Сад пяти чувств». Его пространственная организация проста и доступна для всех — для зрячеслышащих детей и взрослых, для людей на инвалидных колясках, для посетителей с нарушениями зрения и слуха. Но всё-таки и для этого участка я сделала тактильную схему. Растения размещены в разном порядке. Поэтому и детям, и взрослым бывает любопытно поискать как давно знакомые, так и новые для них виды.

Брайлевской маркировки в саду нет. Тактильные карты-схемы и планы я изготавливаю вручную. Затем их тестируют мои невидящие знакомые, и если одобряют, то дальше я смело использую эти пособия на специальных экскурсиях.

В марте 2017 года я начала вести группу в социальной сети «ВКонтакте». Она называется «Магия джунглей» (https://vk.com/jungle_magic). Все материалы, находящиеся там, по возможности стараюсь адаптировать для незрячих и слабовидящих пользователей. Было много

отзывов, когда я начала пояснять изображения на фотографиях. «Очень хорошо, что ты картинки подписываешь, описываешь, что на них! Веет позитивом...», «...у тебя я такое в первый раз вижу, чтоб картинки описывали». Участники отметили «ненавязчивость комментирования и при этом полноту описаний». Кто-то любит новости из жизни сада, другие предпочитают «детские истории». Соцсети доступны для незрячих и слабовидящих пользователей, поэтому я получаю и комментарии, обратную связь.

Как же организовать экскурсию? Группы, как правило, формируют сами организации, которые хотят показать наш сад своим подопечным. Мы выбираем дату и время, согласовываем расписание и начинаем подготовку к специализированной экскурсии. Чаще всего такие экскурсии мы проводим на благотворительной основе, по письму. Конечно, любые желающие могут сами собрать свою группу и заказать экскурсию, это важно сделать заранее, хотя бы за одну-две недели до предполагаемой даты. Для проведения специализированных экскурсий важно не формировать большие группы. Из опыта работы могу сказать, что оптимальной по числу участников является группа из 6 — 8 человек, включая сопровождающих. Только в таком случае есть возможность показать растения индивидуально каждому участнику. Кроме того, дорожки в некоторых участках оранжерей узкие, а для слабовидящих людей важен хороший обзор и возможность изучения растений с разных ракурсов. Нюансов очень много. После экскурсий я обычно записываю все наблюдения, по свежей памяти, чтобы учитывать их в будущем. Важно и время проведения экскурсий. Кому-то нужен дневной свет, кто-то лучше видит растения при

искусственном освещении, а с маленькими детьми мы иногда «калибруем» нашу радугу — сначала проверяем оттенки. Например, тёмно-зелёные листья монстеры могут казаться синими, а ствол банана — жёлтым вместо светло-зелёного. Людям с цветовыми нарушениями зрения важно описывать оттенки красок. Иногда я вспоминаю тропический лес во Вьетнаме, где можно насчитать сотни видов деревьев. Представляете себе, сколько там оттенков зелёного?! Как их описать? С чем сравнить? С палитрой художника, разделённой на пазлы?

К нам приезжали группы из региональных организаций Всероссийского общества слепых, я проводила экскурсию для слушателей курсов института «РЕАКОМП». После личных переговоров с директором московского интерната для незрячих детей Иваном Владимировичем Вишнивецким к нам стали приезжать учащиеся этой школы. В декабре 2017 года я провела экскурсию для экспертов по оценке доступной среды: наш сад посетили специалисты из Италии, Японии, Израиля, Казахстана, Словакии, Беларуси. Сейчас начали сотрудничество с Домом слепоглухих в Пучково.

Обычно я стараюсь показать всё многообразие наших коллекций в виде обзорной экскурсии. О растениях даю наиболее интересную информацию, для школьников ещё и иллюстрирую курс ботаники. Говорим и о свойствах растений, их применении в медицине, в жизни людей. В тёплое время года мы больше времени проводим на улице — смотрим деревья и кустарники в дендрарии, некоторые приятно пахнущие и ярко цветущие растения. В конце апреля, когда в массе цветут первоцветы, в воздухе чувствуется медовый аромат, повсюду летают шмели и пчёлы. Однажды мы со

школьниками из первого интерната для незрячих детей смотрели цветок сакуры. Конечно, лепестки сразу опали у нас в руках, но всё же мы почувствовали его неуловимую красоту...

В оранжереях также можно посмотреть множество растений. В тропиках это, как правило, крупные экземпляры, с плотными листьями — фикусы, панданусы, монстера, кофе, ананасы. Иногда прямо во время экскурсий сотрудники преподносят нам «сюрпризы». Однажды принесли большой срезанный лист банана. Его ложный ствол кажется резиновым. А ещё был случай: подстригали финиковую пальму и оставили нам её огромный перистый лист, незрячие дети имели возможность посмотреть его на всём протяжении. Сколько было восторгов! Ещё заметила маленькую хитрость: если срезанный объект детям понравился, они сразу спрашивают: «А вы нам этот цветок орхидеи подарите?», «Можно мы возьмём кувшинчик непентеса с собой?» Да, я всегда дарю им что-то на память, ведь когда-то и сама долго хранила свой первый школьный гербарий и букетик сухоцветов, привезённый из первой поездки в ботанический сад.

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ АРХИВНЫХ НОМЕРОВ

«Советский школьник» № 1 1982 года

Глеб Еремеев

ВТОРОЕ ОТКРЫТИЕ МИРА

За открытым окном тёплый тихий осенний вечер. Ташкент в такие ясные октябрьские вечера медленно погружается в томную дремоту. Тёмное небо низко склоняется над землёй и как бы пристально смотрит россыпью крупных звёзд. Чёрные обнажённые деревья и кусты, растущие меж домов, призрачно покачиваются в полумраке. Порой вздыхает ветерок, и жёсткие сухие листья с металлическим звоном катятся по асфальту и по сухой и твёрдой, как асфальт, земле. Дождей в эту осень было мало, и все в городе этому рады, так как в сухую погоду легче собирать хлопок, а хлопком в Узбекистане озабочены не только сельские, но и городские жители.

О хлопке же говорим и мы с Ларисой Евгеньевной Стрельцовой, библиотекарем филиала № 1 Республиканской центральной библиотеки общества слепых Узбекистана. Мы с ней сидим у открытого окна в её уютной, хотя и несколько беспорядочно загромождённой книгами и журналами комнате, она показывает мне статью в узбекском республиканском журнале, в которой

говорится о члене УЗОС, школьном учителе, вот уже несколько лет собирающем вместе с женой и сыном хлопок на полях близлежащего совхоза.

Потом я в упор спрашиваю Ларису — наше тридцатилетнее знакомство позволяет называть её так, — спрашиваю, почему она пошла работать в библиотеку. Сначала как бы не вдумавшись в мой вопрос, она говорит, что так сложилась жизнь: предложили, и пошла... А затем уточняет: «Книги я люблю. В них ведь отображён весь мир и не менее живо, ярко и зримо, чем в реальной действительности. А для нас, незрячих, это особенно важно, мы, случается, многое в мире открываем для себя только с их помощью. Книги — это второе открытие мира».

Лариса напоминает мне эпизод из недавно вышедшей книги воспоминаний Леонида Рахманова, в котором говорится о слепых, пришедших в музей к картине Леонардо Да Винчи «Джоконда». Рассказывающий в книге эту историю артист Черкасов говорит, что на их лицах он прочёл полное понимание и женственной красоты самой Моны Лизы, и силы и совершенства великого искусства. А возможно это стало лишь потому, что люди эти, очевидно, многое знали и о художнике, и о его произведении. И уж, конечно, им помогли в этом книги.

Постепенно разговор уводит нас в далёкое прошлое. Лариса показывает моё письмо к ней, написанное почти двадцать пять лет тому назад. Мы оба тогда были студентами. Я учился в Московском университете на мехмате, а она — в Ташкентском институте иностранных языков. Письмо кончается словами: «Ну, а вообще-то время проходит как-то не так: проходит, а следов нет никаких». Мы оба улыбаемся. Лариса замечает, что мак-

символистски настроенная юность далеко не всегда может правильно оценить происходящее с ней и выбрать верное направление. Она говорит, что в то время, когда я писал эти слова и изучал в МГУ математику, некоторые из моих лучших стихов были уже написаны, и в них, как колосья в зёрнах, таились мои будущие сборники стихов и, может быть, вся моя дальнейшая жизнь. В подтверждение этих слов она даже читает моё стихотворение «Через пламя взрыва»:

Я из детства ушёл, не как все,
А шагнув через пламя взрыва...
В молодом серебристом овсе
Мина мягкую землю взрыла.

Вновь засеяли землю весной,
От дождей оплыла воронка...
Трудно вырасти из ребёнка,
Искалеченного войной.

За дверью, в большой проходной комнате, бубнит самый разговорчивый и безапелляционный член семьи, телевизор. Перед ним замерли сын Ларисы долговязый, под метр восемьдесят, и по-щенячьи нескладный десятиклассник Володя. И строгая, почти суровая Ларисина мама Тамара Григорьевна. За окном гремит медная листва, и вдали, за домами позванивает трамвай. Лариса тихо и медленно, с долгими паузами начинает рассказывать:

— Войну я помню плохо. Мала была, да и жила далеко от неё. Ну и мне было «трудно вырасти из ребёнка, искалеченного» не войной, правда, а глупой случайнос-

тью. Летом исполнилось тридцать лет, как я потеряла зрение. Помню, попросила меня бабушка купить хлеба. Мне так не хотелось идти, словно сердце чужало что-то недоброе. Чтобы хоть как-то развеселить себя, надела я любимое платье и пошла на улицу. Тут мне в плечо попала самодельная стрела — мальчишки в войну играли. Я, помню, рассмотрела её. Это была обыкновенная стрела с куриным пером и жестяным треугольным накопником, вырезанным из консервной банки. Рассмотрела и бросила назад к мальчишкам. А через минуту эта стрела попала мне в глаз.

Ну, а дальше обычная история. Ездили мы и в Москву, и в Одессу, но зрение всё падало и падало. Я и в московскую школу, где с тобой познакомилась, поступила только затем, чтобы быть поближе к медицинским светилам. Ну, а после школы — Иняз. Хотела стать переводчиком. У нас в Ташкенте при Торговой палате работала тогда группа переводчиков. Позже её почему-то устранили. А в школах ташкентских английского языка нет. Некоторое время вела кружок английского языка при Дворце культуры УЗОС.

Потом мне предложили работу в библиотеке. Сначала работала в центральной библиотеке, а позже перевелась в филиал № 1 при Дворце культуры. Всё-таки поближе к дому. Володя был маленький. Да и ездить далеко было трудно. У нас одни арыки чего стоят. Кроме того, по вечерам надо было ездить в институт: хотелось кончить ещё и библиотечный, чтобы быть полноценным грамотным работником. Анатолий Васильевич Дудников, наш директор, когда переводил меня, сказал, что замены мне он, конечно, не найдёт, но задерживать не стал, понимал, что мне так удобней.

Мне вдруг припомнился один из моих приездов в Ташкент и моё выступление в РЦБС. Я тогда пришёл в библиотеку заранее и долго наблюдал, как работает Лариса. Она была равна со всеми, разговаривала с читателями доброжелательно, все их просьбы выслушивала внимательно и выполнить старалась возможно быстрее.

А когда ей приходилось обрабатывать новые поступления, она была педантично аккуратна и сосредоточенно внимательна. Я, помнится, спросил её, что является главным в работе библиотекаря. Она, не задумываясь, сказала, что в этой работе — работа ли это с книгами или с читателями — должна постоянно присутствовать обычная человеческая порядочность, чтобы ни малейшего небрежения, ни единого отмахивания, никакой халтуры. Всё это я напомнил Ларисе и начал доказывать, что Дудников, пожалуй, ничего не преувеличивает, говоря о её незаменимости.

...А ночью был дождь, и утром, когда я шёл по городу, умытое, радостно сияющее солнце дробилось и искрилось в лужах на асфальте. В воздухе остро и грустно пахло влажной палой листвой и сочными солнечными дынями, которые проносили мимо меня с Фархадского базара. А вот сытно пахло пловом — это прямо на улице, у поворота на базар готовил его пожилой узбек в тюбетейке и халате. Немного дальше мне попался магазин под названием «Ширин». Меня взволновала эта близость. Оказывается, Фархад и Ширин всегда рядом. Они рядом не только в своей горестной и прекрасной жизни, не только в нашем сознании, но и в современном большом городе.

Мне вдруг захотелось вновь встретиться с ними на страницах бессмертной поэмы, посвящённой их любви

и борьбе за человеческое счастье, и я отправился к Ларисе в библиотеку, так как только в библиотеке можно встречаться и душевно беседовать один на один с кем угодно. А возможно это чудо лишь под доброжелательным и почти всегда неизменным руководством библиотекаря. И теперь мне кажется, что именно о работе библиотекаря говорится в одном моём старом стихотворении, написанном в форме рубаи:

Чиста в горах вода из родника,
Сбегая с гор, она всегда звонка,
Но, ставши мутной и немой в арыке,
Она прекрасней свежестью цветка.

ПРОБА ПЕРА

Даниил Хачатуров

Ученик 5 класса Самарской школы для незрячих детей

ДЛЯ МАМЫ

Стихов безумно много про весну,
Слова любви звучат по всей планете!
Их все в один букет я соберу
И подарю единственной на свете!

Той женщине, что в муках родила,
Что долго и заботливо растила,
Что ангелом-хранителем была
И словно огонёк во тьме светила!

О Господи! Прошу, её храни,
От всех невзгод земных оберегая.
И кланяюсь я низко до земли
Всем мамам, что любовью нас спасают!

Артём Медников

*Ученик Челябинской школы № 127
для слабовидящих детей*

МАМА

В одном прекрасном городе родилась девочка. И взяла она с собой в этот мир большое доброе сердце. Это

сердце всегда помогало ей принимать мудрые решения и помогать людям. Когда девочка выросла, она родила сына и назвали его Владимиром. Мальчик рос очень весёлым, любознательным и немного хулиганистым.

Однажды в школе Владимир ударил девочку. Учитель схватил его за руку и втолкнул в кабинет директора. Учителя, завучи, директор кричали, ругали Владимира. Но мальчик так и не понял безобразности своего поступка.

О произошедшем, конечно же, сообщили маме.

Когда Владимир пришёл домой, мама накормила его вкусным борщом. После обеда они сели на диване у окошка с фиалками. Мама не стала ругать сына за школьный поступок. Она ласково спросила: «Сынок, а кто такая мама?»

Владимир весело рассмеялся и, обнимая и целуя свою мамочку, сказал: «Мама — это та, у которой самое доброе и самое любящее сердце!»

Тогда мама ответила: «Сын! Каждая маленькая девочка в будущем может стать мамой. И если ударить девочку, то можно разбить это доброе и любящее сердце».

Владимир удивился: «Но ведь некоторые девчонки злюки и вредины. Разве они могут стать мамами?»

Мама заулыбалась, приложила ладонь к своему большому чудесному сердцу, и ладонь вмиг наполнилась множеством заколочек с розовыми сердечками. Мама протянула ладонь с заколками Владимиру и сказала: «Сынок, если ты встретишь таких девочек, украшай их волосы этими заколками. Тогда в будущем они обязательно вырастут настоящими мамами».

Владимир положил заколки в карман, крепко-крепко прижался к своей маме и сказал:

— Самая настоящая мама — это ты!

Анастасия Анянова

*Ученица Челябинской школы № 127 для
слабовидящих детей*

КАТЯ И ВОЛНА

Есть на свете море под названием Чёрное. И была у того моря дочка, маленькая Волна. Она очень любила играть возле берега. И вот однажды она заигралась, и её выбросило на сушу прямо в ямку, окружённую камнями. Как ни билась малышка, как ни старалась — никак не получалось вырваться из плена. Долго звала она свою маму, но не могла докричаться. А когда море заметило, что её дочери нигде нет, оно так расстроилось! Море начало её везде искать, позеленело и почернело, налетел порывистый ветер, начался шторм. Неистовые волны с силой стали биться о прибрежный песок.

А в маленьком городке, который стоял на берегу Чёрного моря, жила девочка Катя. Её мама уплыла на корабле в командировку и из-за шторма никак не могла вернуться домой. Катя выходила на берег и смотрела вдаль, ожидая свою маму. Шли дни, но шторм всё не прекращался, а корабль не появлялся. Тревожно и страшно было девочке. Каждый день она выходила на берег и грустная возвращалась домой.

Однажды она услышала, что кто-то плачет. Звук доносился из-за камней. Катя взобралась на один из них, увидела лужицу и спросила:

— Ты кто и почему плачешь?

— Я Волна, а плачу я потому, что хочу к своей маме — Чёрному морю, — ответила лужица.

— Не плачь, я тебе помогу, — сказала Катя и отодвинула камень, который загораживал дорогу Волне.

И в тот же момент лужица узенькой лентой спустилась к маме. А когда море увидело свою дочь, то очень обрадовалось. Море обняло дочку и спросило Катю, что она за это хочет.

— Я хочу, чтобы моя мама вернулась домой! — ответила девочка.

Море исполнило её желание. В ту же минуту оно стало тихое и спокойное. Прошло совсем немного времени, и вдалеке показался долгожданный корабль, на котором возвращалась к своей любимой дочке мама.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Марина Платонова

Город солнечно-жёлтых домов,
Перекрёстков с мелодией ветра...
Многоотная песня без слов,
Перелётная лёгкость привета...
Здесь такие звучат вечера...
Многоцветие. Терпкость закатов:
И торжокская вязь серебра
Пересыпана нитями злата...
И ночные стихи, как цветы, —
За строкою строка лепестками.
Подарил этот город мне ты,
С трепетаньем реки, с облаками.

Птицы силуэт на фоне неба,
Как свобода сказанного слова...
Словно превращенье были в небыль —
Просто время сбросило оковы...

Выпорхнуло чудо вольной птицей —
Радость — опереньев переливы...
Чуду непременно надо сбыться,
Чтобы стать по-птичьему счастливым.

Весна пролетела бесстрочно,
Без трепетно солнечных дней.
И тенью ресниц многоточья,
И фразы прозрачной теней...

И хочется думать о счастье,
Распахнута в небо душа...
И лето — зелёный фломастер —
Рисует пейзаж не спеша...

И осень — задумчивой гостьей,
Набиты карманы дождём...
Давай все тревоги отбросим
И счастье напишем вдвоём!

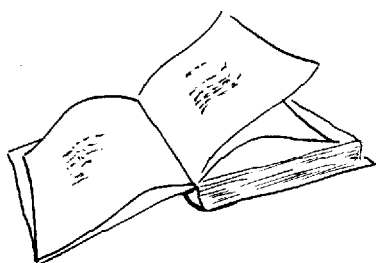
Предзимье, зима и полувесенье,
Весна, а затем пересолнечность лета...
Когда-то мне время казалось спасеньем
От стайки вопросов совсем без ответов.
Когда-то я верила, что расстояние —
Пространство без права на терпкость заката...
И ветер за городом, словно в изгнание,
Листает листву — пожелтевшие даты.

Когда поняла я, что ты — мой свет,
Мне стало светлей дышать...

Из сотни сказанных «да» и «нет»
«Люблю» я смогла собрать...
Все звуки и буквы в крылатый ряд,
Чтоб легче к тебе лететь...
И солнца луч, как счастливый взгляд,
И ветру о чуде петь...

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

1880 — 1934

Андрей Белый — поэт-символист, прозаик, литературный критик и философ, один из самых ярких и парадоксальных представителей Серебряного века. У него не было широкой известности у современников-читателей, но его творческие открытия во многом определили облик русской литературы начала XX века. Ценители и знатоки его творчества уверены, что Андрей Белый лучше всех современников изобразил в своих произведениях такое сложное явление, как переломная эпоха.

Андрей Белый прославился под псевдонимом, в конце концов заменившим ему данное при рождении имя даже в частной жизни. Настоящее его имя — Борис Николаевич Бугаев. Он родился в Москве в 1880 году в семье видного учёного-математика, декана физико-математического факультета Московского университета, основателя московской математической школы Николая Васильевича Бугаева. Будущий поэт рос в благополучной атмосфере «профессорской» Москвы, но сложные

отношения между родителями, их противоположное влияние оказали на него тяжёлое воздействие, предопределив в дальнейшем многие особенности его непростого характера. Каждый из родителей мечтал сделать из мальчика будущего гения: отец видел в нём продолжателя дела, мать мечтала о всестороннем развитии, учила музыке и грамоте. Позже Бугаев вспоминал, что боялся расстроить мать своим непониманием и оттого ещё больше тупел.

А. Белый учился в частной гимназии Поливанова, одного из лучших педагогов России того времени, который внушил ему глубокий интерес к литературе, и особенно к поэзии. Особое влияние на юношу оказывали тогда Достоевский, Ибсен, Ницше. В последних классах он всерьёз увлёкся буддизмом и оккультизмом.

В стенах поливановской гимназии, в 1895 году Белый подружился с Сергеем Соловьёвым. Творческий псевдоним «Андрей Белый» появился благодаря отцу Сергея, Михаилу Сергеевичу. Из уважения к отцу Бугаев не решается печататься под своим именем и подписывается «студент-естественник». Дом Соловьёвых стал второй семьёй для Белого, здесь сочувственно встретили его первые литературные опыты, здесь же он познакомился и сблизился с символистами «старшего» поколения: В. Брюсовым, К. Бальмонтом, Д. Мережковским, З. Гиппиус и с братом Михаила Сергеевича, философом Владимиром Соловьёвым, и рано стал знатоком его мистического учения, повлиявшего на формирование его мировоззрения.

Годы конца века и начала следующего стали для Белого и для его увлекающегося мистической филосо-

фией друга Сергея Соловьёва временем ожидания появления нового учения, нового откровения, которое полностью переменит и преобразит жизнь.

После окончания гимназии Андрей Белый стал студентом Московского университета. Отец настоял, чтобы сын выбрал физико-математический факультет. Несмотря на его блестящие способности, профессура смотрела на Белого косо из-за его «декадентских» писаний — некоторые даже не подали ему руки на похоронах отца. Первое из «декадентских» писаний появилось в 1902 году под раздражающим названием «Симфония (2-я драматическая)».

Несколько действительно тонких и чутких ко всему новому и стоящему внимания критиков (М.С. Соловьёв, В. Брюсов и Мережковские) сразу распознали в этом необычном произведении нечто совершенно новое и многообещающее. Это почти зрелое произведение юного автора дало полное представление об изумительном даре Белого — писать музыкально организованную прозу. Но большинство критиков отнеслись к этой симфонии и к тому, что за ней последовало, с негодованием и злобой, и на несколько лет Белый заменил для них Брюсова, которого к тому времени уже начинали признавать: теперь все нападки на «декадентов» были обращены на Белого, он стал основной мишенью. Его называли непристойным клоуном, чьи ужимки оскверняют священную область литературы.

Литературный жанр «симфонии», созданный писателем, сразу продемонстрировал характерные черты его творческого метода: тяготение Белого к синтезу слова и музыки (система лейтмотивов, ритмизация прозы, перенесение структурных законов музыкальной формы в

словесные композиции), соединение планов вечности и современности, настроения*.

В январе 1903 года началась переписка Андрея Белого с Александром Блоком (личное знакомство состоялось в 1904 году), с которым его связали годы драматической «дружбы-вражды». Осенью 1903 года Андрей Белый стал одним из организаторов и идейных вдохновителей кружка «аргонавтов», исповедовавшего идеи символизма как религиозного творчества. В том же году он окончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета.

В 1904 году выходит первый поэтический сборник Андрея Белого «Золото в лазури». Осенью того же года он вторично поступил в Московский университет на историко-филологический факультет.

В январе 1905 года, приехав в Петербург, Андрей Белый стал очевидцем первых революционных событий. Революцию он воспринял с большим подъёмом, хотя остался далёк от её политического осознания, его больше занимали попытки объединения революционной волны с мистической философией Владимира Соловьёва. Последовавшая реакция вызвала у Белого подавленность и депрессию, и он потерял веру в свои мистические идеалы. Это «кризисное» мироощущение поэта отразилось в двух стихотворных сборниках, появившихся в 1909 году.

Белый был влюблён в жену Александра Блока — Любовь Менделееву. Их отношения продолжались два года.

*Эсхатология — система религиозных взглядов и представлений о конце света, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной и её переходе в качественно новое состояние. Также отрасль богословия, изучающая эту систему взглядов и представлений в рамках той или иной религиозной доктрины.

Менделеева не могла определиться окончательно, рываясь между чувствами и здравым рассудком. Наконец она сообщила поэту, что остаётся с мужем. В 1906 году Андрей Белый бросил университет и уехал за границу в надежде забыть о ней. В Россию он вернулся через два года.

Всё это время Белый писал прозу, писал блестящие критические статьи, в которых объяснял творчество писателей с точки зрения своего мистического символизма; писал изложения своих метафизических теорий. Символисты высоко его ценили, но широкой публике он был почти не известен. В 1909 году он опубликовал свой первый роман — «Серебряный голубь». Это интереснейшее произведение, которому вскоре предстояло оказать огромное влияние на развитие русской прозы, в момент своего появления прошло почти незамеченным. В 1910 году он прочёл в Петербурге ряд докладов о русской просодии*, с этой даты можно отсчитывать существование русской просодии как отрасли русской филологии.

В 1911 году Белый женился на девушке, носившей поэтическое имя Ася Тургенева, а в следующем году молодая пара познакомилась с известным немецким антропософом Рудольфом Штейнером. Штейнеровская антропософия, «мудрость о человеке» — это религиозно-мистическое учение о саморазвитии и духовном познании и является по сути конкретизированной обработкой символистского мировоззрения, которое считает человеческий микрокосм во всех его деталях параллельным

*Просодия — раздел стиховедения, изучающий метрически значимые элементы речи, такие как паузы, слоги: долгие и краткие, ударные и безударные.

вселенскому макрокосму. Белый и его жена были заморожены Штейнером и четыре года прожили в его магическом заведении в Дорнахе в Швейцарии.

За это время Белый опубликовал свой второй роман «Петербург» (1913) и написал повесть «Котик Летаев», которая была опубликована в 1917 году. Когда разразилась Первая мировая война, он занял чёткую пацифистскую позицию, но всё же в 1916 году был вынужден возвратиться в Россию для военной службы. Жена за ним не последовала, она осталась жить в Дорнахе, посвятив себя служению делу Рудольфа Штейнера. Её называли «антропософской монахиней».

В армию Белый демобилизован не был, от этого его спасла революция. Большевиков он приветствовал как освободительную и разрушительную бурю, которая разделается с одряхлевшей европейской цивилизацией. В его (очень слабой) поэме «Христос воскрес» (1918) он ещё более настойчиво, чем Блок, отождествляет большевизм с христианством.

Как и Блок, Белый очень скоро потерял веру в это тождество, но, в отличие от Блока, не впал в депрессию. Напротив, именно в самые тяжёлые годы (1918 — 1921) он развил бурную деятельность, вдохновлённую верой в великое мистическое возрождение России, нарастающее вопреки большевикам. Ему казалось, что в России на его глазах возникает новая «культура вечности», которая заменит гуманистическую цивилизацию Европы. И действительно, в эти страшные годы голода, лишений и террора в России происходил удивительный расцвет мистического творчества. Белый стал центром этого брожения. Он основал «Вольфилу» (Вольная философская ассоциация), где свободно обсуждались самые жгу-

чие проблемы мистической метафизики. Он издавал журнал «Записки мечтателя» (1919 — 1922), преподавал стихосложение пролетарским поэтам и с невероятной энергией читал лекции чуть не каждый день. За этот период, кроме множества мелких произведений, им были написаны «Записки чудака», «Преступление Николая Летаева» (продолжение «Котика Летаева»), поэма «Первое свиданье» и «Воспоминания о Блоке». Он был вместе с Блоком и Горьким крупнейшей фигурой в русской литературе, причём не менее влиятельной. Когда в начале 1920-х годов возродилась книжная торговля, издатели первым делом стали печатать Белого.

В 1922 году он уехал в Берлин, где стал таким же центром среди писателей-эмигрантов, каким был в России. Но его беспокойный дух не позволил ему оставаться за границей. В 1923 году он вернулся в Россию, только там он чувствовал соприкосновение с тем, что считал возрождением русской культуры.

По возвращении на родину Белый предпринял множество безнадёжных попыток найти живой контакт с советской культурой. «Белый — покойник, и ни в каком духе он не воскреснет», — писал в «Правде» Лев Троцкий.

Но в его жизни появилась женщина, которой суждено было провести с ним последние годы. Клавдия Николаевна Васильева (1886 — 1970) стала последней подругой Белого, к которой он не испытывал любовных чувств, однако держался за неё, словно за спасительницу. А 18 июля 1931 года тихая, покорная, заботливая Клодя, как называл её писатель, стала его супругой. Писатель умер на руках у своей жены 8 января 1934 года от инсульта — следствие солнечного удара, случившего-

ся с ним в Коктебеле. Эту судьбу он предсказал себе в стихотворении «Друзьям»:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.

РОДИНА

Те же росы, откосы, туманы,
Над бурьянами рдяный восход,
Холодеющий шелест поляны,
Голодающий, бедный народ;

И в раздолье, на воле — неволя;
И суровый свинцовый наш край
Нам бросает с холодного поля —
Посылает нам крик: «Умирай —

Как и все умирают...» Не дышишь,
Смертоносных не слышишь угроз: —
Безысходные возгласы слышишь
И рыданий, и жалоб, и слёз.
Те же возгласы ветер доносит;
Те же стаи насытых смертей
Над откосами косами косят,
Над откосами косят людей.

Роковая страна, ледяная,
Проклятая железной судьбой —
Мать Россия, о родина злая,
Кто же так подшутил над тобой?

ВЕЧЕРКОМ

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.
Солнце меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью раки.

Иссыхают в зыбь лохмотьев
Сухо льющих нив
Меж соломы, меж хоботьев,
Меж зыбучих ив —

Иссыхают избы зноем,
Смотрят злым глазком
В незнакомое, в немое
Поле вечерком, —

В небо смотрят смутным смыслом,
Спины гневно гнут;
Да крестьянки с коромыслом
Вниз из изб идут;
Да у старого амбара
Старый дед сидит.
Старый ветер нивой старой
Истари летит.

Тенью бархатной и чёрной
Размывает рожь,
Вытрясает треском зёрна;
Шукнет — не поймёшь:

Взвизгнет, свистнет, прыснет, хряснет,
Хворостом шуршит.

Солнце: — меркнет, виснет, гаснет,
Пав в семью раки.

Протопорщился избёнок
Кривобокий строй,
Будто серых старушонок
Полоумный рой.

ЖДИ МЕНЯ

Далёкая, родная, —
Жди меня...

Далёкая, родная:
Буду — я...

Твои глаза мне станут
Две звезды.

Тебе в тумане глянут —
Две звезды.
Мы в дали отстояний —
Поглядим;

И дали отстояний —
Станут: дым.

Меж нами, вспыхнувшими, —
Лепет лет...

Меж нами, вспыхнувшими,
Светит свет.

ОДИН

Окна запотели.
На дворе луна.
И стоишь без цели
У окна.

Ветер. Никнет, споря,
Ряд седых берёз.
Много было горя...
Много слёз...

И встаёт невольно
Скучный ряд годин.
Сердцу больно, больно...
Я один.

ДРУЗЬЯМ

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел,

Не смейтесь над мёртвым поэтом:
Снесите ему цветок.
На кресте и зимой и летом
Мой фарфоровый бьётся венок.

Цветы на нём побиты.
Образок полинял.
Тяжёлые плиты.
Жду, чтоб их кто-нибудь снял.

Любил только звон колокольный
И закат.
Отчего мне так больно, больно!
Я не виноват.

Пожалейте, придите;
Навстречу венком метнусь.
О, любите меня, полюбите —
Я, быть может, не умер, быть может,
Проснусь —
Вернусь!

ПРОШЛОМУ

И я, как прежде, одинок.
Иду — бреду болотом топким.
Меня обдует ветерок.
Встречаю осень сердцем робким.
В её сквозистую эмаль
Гляжу порывом несогретым.
Застуденеет светом даль, —
Негреющим, бесстрастным светом.

Там солнце — блещущий фазан —
Слетит, пурпурный хвост развеяв;
Взлетит воздушный караван
Златоголовых облак — змеев.

Душа полна: она ясна.
Ты — и утишен, и возвышен.
Предвестьем дышит тишина.
Всё будто старый окрик слышен, —

Разгульный окрик зимних бурь,
И сердцу мнится, что — навеки.
Над жнивою тогда лазурь
Опустит облачные веки.

Тогда слепые небеса
Косматым дымом даль задвинут;
Тогда багрянец дерева,
Вскипая, в сумрак бледный кинут.

Кусты, вскипая, мне на грудь
Хаосом листьев изревутся;
Подъятыми в ночную муть
Вершинами своими рвутся.

Тогда опять тебя люблю.
Остановлюсь и вспоминаю.
Тебя опять благословлю,
Благословлю, за что — не знаю.

Овеиваешь счастьем вновь
Мою измученную душу.
Воздушную твою любовь,
Благословляя, не нарушу.

Холодный, тёмный вечерок.
Не одинок, и одинок.

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Андрей Сунгуров

ШОКОЛАДНЫЙ ГОРОД

Мне очень нужно,
Мне очень надо
В город, построенный
Из шоколада!

Без шоколада
Я пропаду!
Дайте мне адрес,
Я город найду!

Идёшь и жуёшь
Деревья, цветочки.
Можно кусать
Кирпичи или бочки.

Если покажется
Этого мало,
Можно лизать
Борта самосвала!

В городе вкусно,
В городе сладко.
Мост через речку
И тот — шоколадка!

Воздух вечерний
Тёплый, приятный.
Дождик идёт —
Шоколад ароматный.

Как хорошо здесь
Мальчишкам, девчонкам!
Школа — сплошной
Шоколад со сгущёнкой.

Даже директор
В строгом костюме
Ест шоколадный
Компьютер в изюме!

Дайте мне адрес
Скорее, друзья!
Без шоколада
Никак мне нельзя!

ЗАБАВНЫЕ СТАРУШКИ

Приходят к нам на пять минут
Забавные старушки
И долго чай горячий пьют,
Макая в чашки сушки.

Приходят к бабушке моей,
Но вскоре почему-то
Все громко спорят у дверей:
Кому играть в компьютер.

— Не спорьте, очередь моя!
— Да что вы? Это странно...

— За Анной Павловною я!
— За мною Марь Иванна!

Захватывает всех игра:
Стрельба, шпионы, маски...
А мне ложиться спать пора
Без бабушкиной сказки.

ДРУГ ЗАБОЛЕЛ!

Бабушка пришла ко мне:
— Что с тобой случилось?
— Верный друг мой заболел,
Подцепил он вирус!

Чем лечить и как лечить?
Бабушка решает:
— Надо чай горячий пить —
Сразу полегчает!

Есть горчичники, есть мёд
И лимончик кислый.
Скоро твой дружок пойдёт
На поправку быстро!

Травяной настой густой,
Если будет мало,
Друга своего укрой
Тёплым одеялом!

Я качаю головой:
— Подожди минуту!
Мастер едет к нам домой
Починить компьютер!

ШКОЛЬНЫЙ РЮКЗАК

Мой школьный рюкзак
Час твердит:
— Просыпайся!
Мой школьный рюкзак
Говорит:
— Умывайся!
Мой школьный рюкзак
Всё ворчит:
— Одевайся!
Мой школьный рюкзак
Мне бубнит:
— Собирайся!
Мой школьный рюкзак
День зудит:
— Ты старайся!
В школе, как я,
Ума набирайся!

Ирина Антонова

ИСТОРИИ СЕРЕБРЯНОГО ЛУГА

Между шумным лесом и болтливой речкой вольготно раскинулся широкий луг. Этот луг необыкновенный. Он, как хамелеон, умеет менять свои цвета. Осенью становится жёлтым. Зимой — белым. Весной — нежно-зелёным. Летом, когда зацветают колокольчики, луг и вовсе превращается в сиреневый. Но чаще всего он бывает серебряным. Это когда пройдёт

дождь или выпадет роса, или когда он покроется инеем. Его так и прозвали — Серебряным.

Живут на лугу насекомые, пауки и разные мелкие животные. Серебряный луг знает и любит своих жителей. Поэтому собирает и хранит о них разные истории.

ЗАВЕТНЫЙ КАРМАН

В маленьком домике на опушке леса жили мама-мышка, папа-мышь и их дочка Лапочка.

У Лапочки была остренькая мордочка, розовый любопытный нос, мягкие светлые усики, а торчащие на макушке круглые уши напоминали кокошник. Дополнял её образ клетчатый передник с кармашком посередине.

Какой это был чудесный карман! Лапочка так его любила! И как было не любить, когда мама за завтраком требует всё съесть, а последняя хлебная корочка ну никак не желает лезть в рот.

Вот тут-то и выручал заветный карман. Опустит Лапочка незаметно для мамы в него сухарик — и дело в шляпе, то есть в кармане! Можно спокойно отправляться на прогулку. Ведь теперь мама не будет сердиться на дочь, что та плохо ест.

А как выручает Лапочку карман на прогулке! Например, до обеда ещё далеко, а есть так хочется, что невозможно терпеть. Но стоит только сунуть лапку в карман, как утренний сухарик тут же оказывается в острых белых зубках.

Вот такой у Лапочки замечательный карман!

НОВЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Однажды Лапочка играла на опушке и услышала, что неподалёку кто-то хнычет. Не плачет, а именно хнычет.

Мышка решила посмотреть. Она раздвинула листья подорожника и на стебле кукушкиных слёз увидела маленькую улитку.

— Ты кто? — спросила Лапочка.

— Катушкин, — всхлипнул малыш, растирая рожками по мордочке отсутствующие слёзы.

— Чего хнычешь? — любопытствовала Лапочка.

— Тебе-то что? — огрызнулся невежа.

— Ну и сиди тут! — рассердилась Лапочка. Она отпустила лист подорожника, и тот сразу же скрыл мышку от капризной улитки.

— Эй! Пстой! Куда же ты? — испугался малыш.

Но так как воспитанная Лапочка не собиралась разговаривать с нахалом, то ответом ему была тишина.

Лапочка хотела было вернуться к прерванной игре, как вдруг её оглушил настоящий рёв. Поскольку Лапочка была доброй мышкой, она вздохнула и снова отодвинула лист подорожника.

— Ну? — спросила она. — Что ещё случилось?

— Я потерялся, — признался Катушкин.

— Небось ушёл без спросу гулять.

— Нет, мама отпустила, но велела далеко от дома не уходить. Я вроде и не уходил...

— А здесь как оказался?

— Не знаю. — И рожки Катушкина виновато устали в землю.

— И что теперь делать? — спросила Лапочка.

— Не знаю, — и малыш снова приготовился плакать.

— Не вздумай реветь! — предупредила Лапочка. — Сейчас я что-нибудь придумаю.

И она стала сосредоточенно думать.

— Ты где живёшь? — наконец спросила мышка.

— Под старой берёзой.

Лапочка огляделась. Старых берёз вокруг было предостаточно.

— Под какой именно? — уточнила она.

— Под той, где вчера раскрыл шляпку белый гриб. — И Катушкин изогнул рожки строго по направлению своей берёзы.

— Ага, — кивнула Лапочка. — Ну, что ж, это рядом.

— Это для тебя рядом. А я сюда полдня добирался. Мама, наверное, волнуется... — загрустил он.

Это Лапочке было понятно. Её мама тоже волновалась, когда Лапочка вдруг, заигравшись, опаздывала к обеду или ужину. А папа потом долго воспитывал свою нерадивую дочку.

— Отнеси меня домой, — попросил малыш. — Так быстрее будет. Что тебе стоит?

С одной стороны, Катушкин говорил правду. А с другой — немного лукавил. Ему самому добираться и правда было долго. Но ещё он боялся гнева мамы. Ох и рассердится она на него за непослушание! Но при посторонних — при Лапочке — глядишь, и пройдёт гроза стороной.

Лапочка прикидывала. К той старой берёзе ей как раз и не разрешалось ходить. Если она нарушит запрет родителей, то её накажут, может, даже не дадут в обед кусочек сахара, который она так любила. А с другой стороны — она ведь не просто так нарушит запрет. Она совершит добрый поступок — вернёт малыша домой.

И Лапочка решилась.

— Хорошо. Полезай сюда. — И она подставила Катушкину свой заветный карман.

Лапочка бежала со всех своих быстрых лап. Она всё же опасалась, что её хватятся дома. За шелестом травы

и свистом ветра мышка не услышала подозрительный хруст в кармашке. Это Катушкин наслаждался случайно обнаруженным сухариком.

Как же обрадовалась мама-улитка пропавшему сыну. Она не стала его ругать, а Лапочке предложила:

— Оставайся обедать.

На обед предполагался свежий белый гриб. Но Лапочка, вежливо сославшись на то, что её к обеду ждут родители, засобиравшись в обратный путь.

— Ну, раз ты торопишься, то возьми гриб с собой, — и мама-улитка отломилась от шляпки приличный кусок.

Хорошо, что сухарика в кармане не оказалось, а то гриб точно бы не поместился. Хотя чего же хорошего в отсутствии сухарика? Лапочка хотела им подкрепиться по дороге домой. «И куда он подевался? — недоумевала она. — Наверное, выпал по дороге!»

— Ты заходи к нам, — пригласила мама-улитка. — Будешь играть с моим сыном, а то ему одному бывает скучно.

— Да, — подхватил Катушкин, — приходи... хотя бы завтра.

— Постараюсь, — пообещала Лапочка.

СЛОМАННЫЙ СМЫЧОК

После того, как Лапочка рассказала родителям, как выручила Катушкина, папа и мама посчитали, что она уже вполне разумная мышка и может иногда ходить к старой берёзе, навещать друга.

Вот и сегодня Лапочка отправилась к малышу.

Кузнечик Травкин сидел на зелёной кочке задумчивый, даже, как показалось Лапочке, грустный. Вдруг он подпрыгнул и весело заскакал вокруг кочки. Сделав не-

сколько кругов, кузнечик резко остановился и снова печально уселся на прежнее место. Но ненадолго. Будто кто пощекотал его пятки — Травкин взвизгнул и, хохоча, запрыгал на месте. А потом... Короче, всё повторилось.

Лапочка остановилась, заинтересованная таким поведением кузнечика.

— Привет! — поздоровалась она.

— Привет! — ответил Травкин.

— Что это с тобой происходит? Не пойму — грустишь ты или веселишься?

— А я и сам не пойму, — признался кузнечик. — Вроде я радуюсь, а вроде боюсь.

— Боишься? — удивилась Лапочка. — Чего?

— Не «чего», а «кого». Ежевикина!

— Кто это?

— Вот темнота! Жорку Ежевикина она не знает! — хмыкнул кузнечик.

— Не знаю, — созналась Лапочка.

— Недавно под кустом ежевики поселилась мышьяная семья. Их прозвали Ежевикиными. А Жорка — их сын. Классный парень! — просветил Лапочку Травкин. — Хотя...

— Что значит — «хотя»?

— Меня папаша постоянно заставляет пикиать на скрипке, — затараторил Травкин. — А мне неохота. А тут приходит Жорка и зовёт играть. Мы с ним так классно фехтовали — я смычком, а он — моей скрипкой. Вдруг смычок — бах! — и сломался... и скрипка немного того... а тут папаша... Забрал сломанный инструмент и пошёл к Жоркиным родителям жаловаться. А Жорка сказал, что если ему тоже влетит, то виноват буду я и он меня поколотит!

— Понятно, почему грустишь, — сказала Лапочка. — А чему радуешься?

— Так на скрипке же играть не надо! Пока-то папаша её починит... Ой, а вон и он идёт! От Ежевикиных возвращается. Кажется, мне попадёт! — И Травкин смиренно уселся на кочку.

Лапочка вспомнила, как иногда сердятся на неё родители, и быстро сунула лапу в заветный карман. Она протянула Травкину кусочек сахара.

— На, думаю, это для тебя не лишним будет, — сказала она и поспешила удалиться.

По дороге к Катушкину Лапочка размышляла о том, кто такой Жорка и почему она его ещё ни разу не встретила. Позже она справилась о нём у Катушкина, но и он ничего об этом мышонке не знал.

ВСЮДУ ЖОРКИНЫ СЛЕДЫ

На хорошо утоптанной тропинке, ведущей к старой берёзе, лежал на спине огромный навозный жук Лепёшкин. Старик пыхтел, сопел, сучил лапами, раскрывал и закрывал крылья, пытаясь перевернуться. Но ему это не удавалось. От старания он, наверное, вспотел бы, если бы жуки умели это делать.

— Что с вами, дедушка? — спросила, подойдя к жуку, Лапочка.

— Уф! — выдохнул уставший Лепёшкин. — Это всё Ежевикин.

Лапочка ещё раз оглядела несчастного жука.

— Ох уж этот Ежевикин! — проворчала она и помогла Лепёшкину перевернуться.

— Держись от этого хулигана подальше, — посоветовал Лепёшкин, убегая в сторону коровьего пастбища.

— Хорошо, — пожала плечами Лапочка.

Но выполнить обещание мышке не удалось. Через несколько шагов ей открылась такая картина.

Рядом с кустом одуванчика, спиной к Лапочке, стоял незнакомый мышонок. Одет он был в короткие голубые штаны, которые удерживались одной-единственной, перекинутой наискось через плечо, лямкой.

Мышонок был занят тем, что гонял вверх и вниз по стеблю одуванчика божью коровку, оранжевую, с двумя чёрными точками на крыльях.

«Это же Бычков, — узнала божью коровку Лапочка. — А этот кто? И во что они играют?»

Вскоре Лапочка поняла, что игрой тут и не пахнет. Потому что, как только Бычков поднимался на определённую высоту, незнакомец с помощью палки заставлял его развернуться и бежать вниз. Потом снова вверх. Вниз-вверх, вверх-вниз...

— Слышь ты, корова, давай пошевеливайся! — подхлёстывал Бычкова мышонок.

— Я не корова, — возражал жучок. — Я Бычков!

На его мордочке было написано, что он крепится из последних сил, но вот-вот разрыдается.

— Что здесь происходит? — спросила Лапочка.

— Вот... — пискнул Бычков. — Ежевикин... предложил поиграть, а сам обижает...

— А-а-а, это и есть Ежевикин? Как же, как же, наслышаны, — усмехнулась Лапочка.

Ежевикин, насупясь, разглядывал Лапочку. Но она этого будто не замечала.

— А зачем ты ему позволяешь? — попеняла мышка Бычкову. — Летел бы от него подальше!

— Не могу, — всхлипнул Бычков. — Видишь, он кры-

ля мне связал. — И жучок показал на верёвку, туго перехватывающую его тело.

— Ах, вот оно что! А ну, отпусти малыша! — потребовала Лапочка.

— Ты ещё кто такая?! — сплюнул на землю Ежевикин. — Катись, откуда пришла! Катись отсюда!

— А вот и не уйду! Это не твоя поляна!

— Ещё как уйдёшь! — Ежевикин подскочил к Лапочке и дёрнул её за передник. Под лапу ему попался заветный карман. Нитки с треском лопнули, и карман небрежным лоскутом повис на переднике.

— Ой! — вскрикнула Лапочка.

Бычков немедленно воспользовался ситуацией. Он взобрался на раскрытый цветок одуванчика, развязал верёвку, и, словно со стартовой площадки, взмыл ввысь. Напоследок он всё же обернулся. Жорка, довольно оглядывая Лапочку, потирал лапы.

«Ай-яй-яй! Ну и достанется сейчас Лапочке! — понял Бычков. — Что же это я? Лапочка меня выручила, а я её бросил?!»

И Бычков на полной скорости развернулся, нагнул голову, нацелился и, словно бык на тореадора, тараном понёсся на Ежевикина.

— Ай! — завопил Жорка и покачнулся, потому что удар Бычкова пришёлся ему прямо в лоб. Но Ежевикин быстро пришёл в себя, подхватил с земли палку и погнался за божьей коровкой.

— Беги! — крикнул Бычков Лапочке.

— И не подумаю, — сказала мышка. — Это пусть он удирает, а мне не с чего!

Правда, хоть Лапочка и храбрилась, губы её предательски дрожали, а нос противно пощипывало, короче,

она чуть не плакала: ох и влетит же ей дома за оторванный карман!

Бычков снова развернулся и снова пошёл на таран Ежевика. Этот манёвр он проделывал до тех пор, пока на Жоркином лбу не набухла огромная шишка. И никакая палка хулигану не помогла.

Ежевикин, спотыкаясь, позорно бежал с поля боя. Вслед ему нёсся залиvistый свист и улюлюканье. Это Катушкин, который вышел встречать Лапочку, подоспел к концу потасовки и теперь радовался, что Бычкову удалось проучить разбойника.

Друзья пожали друг другу лапы, поздравляя с победой над хулиганом, и Лапочка с Катушкиным пошли к нему домой пришивать оторванный карман.

МУРАВЬИНЫЙ ЛЕВ

Лес одной своей стороной доходил до песчаного берега реки. На этом-то берегу и поселился муравьиный лев. Он вырыл в песке глубокую воронку-ловушку и целыми днями, сидя на её дне, караулил добычу.

Ежевикин и Травкин ломали голову, чем бы им заняться. К этому времени они уже успели порядком набедокурить: обтрясли несколько седых голов одуванчиков, гусеницу напугали так, что несчастная свалилась со стебля травы тимофеевки. Хорошо ещё, что она успела выпустить из брюшка паутину и зацепиться ею за травинку. Это и смягчило её падение.

Безобразники не упустили возможности воспользоваться таким случаем. Они отняли у гусеницы паутину, потом напали на паука-сенокосца и обмотали этой липкой нитью его длинные ноги. Бедняга, пошатываясь, долго

ковылял, как стреноженная лошадь, пока ему не удалось избавиться от паутины.

— Пойдём на берег, — предложил Жорка, когда они вдоволь насмеялись над пауком, — будем соревноваться, кто дальше запустит камень по воде. Посмотрим, кто из нас самый ловкий.

— Пойдём! — согласился Травкин. Он-то не сомневался, что первенство достанется ему.

Чтобы камешек долго прыгал по воде, он должен быть плоским. Вот в поисках таких камешков Ежевикин и наткнулся на логово муравьиного льва. Он заглянул через край воронки и позвал приятеля.

— Погляди, Травкин, какое чучело на дне сидит.

— И правда чучело, — согласился кузнечик, разглядывая торчащие из песка кривые, как сабли янычаров, челюсти насекомого.

— Эй ты, урод, думаешь, песком присыпался — тебя никто и не видит?! — стал задирать муравьиного льва Жорка.

— Мало того, что чучело, он ещё и глухой! — поддакнул Травкин.

— А вот мы ему сейчас уши-то и прочистим, — сказал Ежевикин и ткнул в середину воронки палкой, с которой никогда не расставался.

Мощные челюсти муравьиного льва крепко впились в древесину. Жорка изо всех сил дёрнул палку, пытаясь высвободить своё оружие. Но не тут-то было — челюсти держали палку по-бульдोजьи — мёртвой хваткой.

— Ах, ты так?! — рассердился Ежевикин.

— Да я ему сейчас! — пригрозил Травкин. Он тоже ухватился за Жоркину палку передними лапками, а длинной задней стал лягать муравьиного льва.

Хитрые муравьиные львы не зря строят ловушки в песке. Край воронки стал осыпаться. Вторая длинная лапа кузнечика соскользнула и оказалась на голове льва. Тот мигом выплюнул палку и защёлкал челюстями, пытаясь схватить Травкина.

— А-а-а-а-а! — заорал испуганный кузнечик и ещё крепче уцепился за палку. — Жорка, тащи меня! А то он откусит мне пятки!

Челюсти хищника, словно острые ножницы, щёлкали возле самых щиколоток Травкина. Муравьиный лев осыпал кузнечика песком — они, львы, всегда так делают, чтобы сбить добычу на дно воронки.

Жорка наконец выдернул Травкина на поверхность. А недовольный муравьиный лев, ругаясь, поглубже зарылся в песок, так что даже страшных челюстей не стало видно. Он решил не связываться с хулиганами и отсидеться в безопасности.

— А здорово мы ему наподдали! — уже через минуту после спасения, всё ещё дрожа, сказал Травкин.

— Точно, — согласился мышонок. — Будет теперь знать, кто такой Жорка Ежевикин!

КОЛЯМБА, ВНУК ОДЕЖДЫ ПЕТРОВНЫ, И ВСЯ ВЕСЁЛАЯ КОМПАНИЯ*

УХАБАКА И БАИНКА

Однажды, ни свет ни заря мы с Юрой проснулись от подозрительных звуков со стороны наших соседей.

— Ить как забаралужило! Поплескунчики сплошняком! Лико, как с крыши прёт! — Стена ходуном ходила от баса Надежды Петровны, а ходики испуганно замолкли.

— Да не выркай! — будто пыталась она себя урезонить. — Затыркалась совсем, вот и выркаешь!

— Еберза еберзой! — кручинно соглашалась Надежда Петровна и добавляла со вздохом: — Отпышкаться бы...

— Шишляешь и шишляешь! Шишляешь и шишляешь! — вдруг сердито вскипал её бас. — Давно побаситься надо!

— Колды-болды... — молвила после паузы Надежда Петровна и тем самым окончательно перечеркнула репутацию женщины светлого разума.

Домик трещал от услышанного.

— Совсем плоха Одежда стала, — покачал головой муж. — Наверное, придётся «скорую» вызывать. Психиатрическую.

Снедаемые тяжёлыми предчувствиями, мы ринулись на половину соседей. Не постучав, решительно толкнули дверь...

*Продолжение. Начало читайте в № 1 за 2018 год.

За кухонным столом мирно гоняли чаи Надежда Петровна и молодая женщина, кудрявая и в очках.

— Вы чего тут делаете? — не по-доброму поинтересовался Юра.

— А чё ли чё? — прокурлыкала Надежда Петровна, отдуваясь от горячего напитка.

— Бахорим, — таким же весомым баском отозвалась её собеседница. — Сейчас перьмени стряпать начнём, губницу варить из свинаярей...

Юра аж зубами заскрежетал от возмущения: в глазах у дам — свет разума, а рот откроют — страшно становится за свою жизнь и имущество при таких соседках.

— Зря ты, Юрок, окостыжился! Свинаярь — это ж чистопородный груздь! — расхохоталась довольная Надежда Петровна. И ухнула по-командирски: — Оставайтесь — вместе пожавкаем! Или мОрговать будете?!

Мы отчаянно замотали головами. Морговать? Да никогда! Только бы узнать ещё, что это за жуть такая.

— Это моя мама! — сообщил нам Колямба, волоча по полу пакет с привезёнными ею энциклопедиями и другой научно-популярной литературой. И, улыбаясь, добавил: — С ней баско!

Выяснилось, что мама у Колямбы не простая, а «научная». При нас в Масловку она ещё не наведывалась, намертво прикованная своим пытливым умом к лекциям, конференциям и библиотеке в Москве. Поэтому мы до этого её не видели и, уж конечно, в мыслях не держали, что ещё какая-нибудь женщина может быть одарена таким убедительным басом, как у Надежды Петровны.

Сейчас «научная мама» была одержима красотой вятского говора — «древнего, как лес, как камень, как

река». И даже писала по нему диссертацию — докторскую. Она только что вернулась из экспедиции по деревенькам, где ещё оставались старушки («на полу спят и не падают») и старички («наедут на пень и кричат: «Отворачивай!»), у которых эта речь вьётся вольно и сладко, «как речка чиречит» (глубокий ностальгический вздох «научной мамы»). Она настолько влюбилась в уютный, насмешливый говорок, что решила его ввести в разговорный русский XXI века. Для начала в отдельно взятой семье. А Надежда Петровна сама была родом из вятской деревеньки со смешным названием Огрызки и с вдохновением откликнулась на затею дочери. Сейчас они впервые «бахорили», то бишь разговаривали практически на равных.

— Это же музыка, музыка, а не речь, — не унималась «научная мама», когда мы уписывали наперегонки и грибовницу, и квашеную капусту с клюквой, и липовый мёд из вятской глубинки. — А какие там люди в деревне! Директор школы по фамилии Дураков, завуч Тупицына, а дети в Московский государственный университет поступают!

В этот момент Юра подмигнул мне и дёрнул шеей, кивая куда-то под стол. Изогнувшись, я разглядела на «научной маме» две юбки и джинсы.

— Рассеянная с улицы Бассейной, — процедил муж сокрушённо. — Спасайся кто может!

На следующее утро наш дом взорвался. Стены хрястнули и растопырились «ромашкой», новенькая крыша из оцинкованного железа сорвалась с насиженного места и полетела, лязгая «крыльями»... Только такая разруха могла быть следствием оглушительного бабаха, прогремевшего, когда я ещё дремала, укрывшись с голо-

вой одеялом. Высунула один глаз, вижу: родимым потолку и стенам удалось-таки устоять. Но гарью пахло умопомрачительно.

И мы с Юрой побежали к соседям узнавать, кого вызвать — пожарных, «скорую» или спасателей.

...Дверь — нараспашку. Оттуда — чёрный дым, и в его драматических клубках стоят, крепко обнявшись, Надежда Петровна, «научная мама» и Колямба во врачебном халате с чужого плеча.

Выяснилось, что вчера «научная мама» «закеркала», простудившись ещё в вятских лесах. На что Колямба объявил, что будет лечить её сам. Но раз она подорвала здоровье в деревне, то и способ исцеления должен быть соответствующим — без таблеток и прочей цивилизованной «химии». Колямба решил лечить маму с помощью обёртывания полотенцем, пропитанным тёплым подсолнечным маслом. (Лягушку бы на язык тому, кто поведал Колямбе такой «рецепт»!) «Научная мама» была готова на всё, лишь бы сын не просил почитать-погулять и дал спокойно уткнуться в диссертацию (планшетник-то вот он, всегда под рукой).

Надежда Петровна тем временем отправилась в сельмаг. А Колямба облачился в белый врачебный халат бабушки, деловито подвернув длинные рукава. Достал из кладовки два литра подсолнечного масла, выбулькал всё в кастрюлю и запалил под ней газовую конфорку. Масло нагреваться не спешило. Колямба даже устал проверять его пальцем. Чтобы ускорить процесс, он прикрыл кастрюльку крышкой. И отошёл позвонить Виталику: гулять не выйду, есть дела поважнее. Именно в этот момент «научная мама» захотела пить. В поисках компота она подняла крышку на кастрюльке с маслом...

А там бесился голубой огонёк. В общем-то бесился невинно, не думая выскакивать из кастрюли. Но мистическое зрелище горящего компота выдуло из головы Колямбиной мамы навыки безопасности в быту.

— Взяла и плеснула в кастрюльку водой во-о-он из того ведра, — размазывая сажу по очкам, поведала «научная мама». — И тут как фукнет! — Она всплеснула руками вверх: — И столб огня — до потолка.

Сей факт подтверждали безобразная дегтярная клякса на потолке и обугленные лохмотья обоев в голубой василёк. Надежда Петровна мелко крестилась.

— Плеснула и плеснула, не расстраивайся! — успокаивал Колямба, поглаживая «научную маму» по вздыбленной причёске. — Больше плескать не станешь.

— Не стану, — пообещала мама и заплакала, уткнувшись в макушку живого и самого доброго на свете мальчика.

Надо отметить, что неосуществлённый метод лечения Колямбы сработал — мама больше не чихнула, не кашлянула. По крайней мере, при нём.

Планшетник она засунула куда-то подальше и вместе с Колямбой безропотно резалась в компьютерные игры, читала книжки и осматривала достопримечательности Масловки. Намеченный отъезд из-за какой-то конференции мама переносила и переносила. Надежда Петровна нарадоваться не могла. «Да хоть бы и дом взорвался, лишь бы они вместе были», — бормотала она себе под нос, сдирая лохмотья обоев.

Это как сказать — показали дальнейшие события.

Однажды «научная мама» и Колямба пропали. Поднялись ранёхонько, пока Надежда Петровна спала, и исчезли. Ни к завтраку не объявились, ни к полудню.

Мобильные телефоны безнадежно пиликали: «Абонент временно недоступен». На предметы, которые оказывались в руках Надежды Петровны, больно было смотреть. Они или издавали задушенный мышинный писк, или свирепо скрежетали, казалось, вот-вот — и гавкнут. Даже домик пробирала дрожь.

Все нервничали — ну куда они запропали?

Когда Надежда Петровна подошла с каким-то хозяйским делом к забору и под её угрюмым взглядом он медленно, как в обмороке, завалился, Юра не выдержал.

— Ну, Одежда, — сказал со вздохом, — пора собирать поисковый отряд.

— И где этих зуд мерек носит! — в сердцах откликнулась та.

— Простые поиски не помогут, — предположил Юра. — Мама — научная и подход должен быть научный.

С этим не поспоришь. Но с чего начинать?

— Надо вспомнить, какие слова они вчера обсуждали, — предложила я.

— Да что-то там новое было, — нахмурилась Надежда Петровна, припоминая. — Заколеть, что ли?

— М-м-м, похоже на «околеть»... — поразмыслил Юра, но, увидев пунцовый горох на побледневшем лице Надежды Петровны, постарался успокоить: — Не будем торопить события!

Я морщила лоб, стараясь выдавить дельную мысль из мозговых извилин. И вспомнила:

— Вчера «научная мама» сказала: «Самое время собирать бе-рё-зо-ви-цу!»

— Мало я её берёзовой кашей кормила! — встрепенулась Надежда Петровна. — Только что такое — берёзо-

вица и где её собирают?

— Уж явно не в сосновом лесу, — Юра воспрянул, почуяв наводку. — Где в окрестностях берёзы растут?

...И мы с Юрой двинули в березняк, за два километра от Масловки.

События разворачивались в конце марта. Снегу уже не лежалось, он потихоньку — ручейками, ручейками — убегал в землю путешествовать. Только в ложбинах да кое-где в лесу ещё оставались бугристые кучи. Земля была напитана бодрой холодной влагой. Через двадцать минут пути в моих сапогах «зажулькало». Но было не до мысли о предстоящем насморке. Шутка ли — пропажа матери и дитя! Вокруг Масловки леса — на многие километры. «Запросто можно заблудиться — и привет, Шишкин!» — говорила Надежда Петровна.

Дотопав по раскисшей глине до березняка, мы остановились как вкопанные. На снежном островке виднелись отчётливые очертания трёх пар следов: детских, женских и ещё одних — по размеру мужских. Причём, следы как-то странно клубились и перемежались, что вопияло нашему возбуждённому сознанию о недавней и неравной борьбе... Сердце моё больно забилося. Но совсем стало плохо, когда Юра поднял с земли топор. А на снегу мы заметили кровавые капли...

В этот момент в кармане у Юры заурчало. По тому, что звук мобильного был истошно громок и нетерпелив, я поняла: звонит Надежда Петровна. Почему даже телефон, когда она звонила, переходил на бас — неведомо, но так оно и было.

— Возвращайтесь! — разнеслись по лесу знакомые раскаты. — Окрошку есть будем!

— Какую окрошку, Одежда? — вскрикнул муж.

— На берёзовом соку! — рывкнула она, а потом как-то странно расхохоталась и добавила: — Да нашлась пропажа, нашлась!

Когда наша поисковая команда ворвалась в дом, за накрытым столом вовсю шло веселье. Надежда Петровна, непривычно застенчиво улыбаясь, расставляла тарелки, а «научная мама» и Колямба, открыв рот, слушала какого-то бравого дядечку в камуфляжной форме. На его блестящем черепе красовалась нашлёпка из лейкопластыря.

Мы потребовали рассказа со всеми подробностями.

— Я буду отдуваться, — разулыбался незнакомец и, обращаясь к Надежде Петровне, добавил с необыкновенной ласковостью: — Присядь, присядь, баинка.

Вот что выяснилось! «Научная мама» и Колямба с утрачка пораньше и правда отправились в березняк. От бабушки свои планы они утаили, поскольку намеревались поднести ей баночку берёзового сока на день рождения. «Научная мама», не вовремя впав в задумчивость по поводу происхождения слова «берёза», для добычи сока схватила первый режуще-колющий предмет, подвернувшийся под руку, — топор. Она шагала в развевающемся бесформенном пальто, купленном по случаю у знакомого дизайнера, и, размахивая орудием труда весом в четыре с половиной кило, объясняла Колямбе тонкое влияние слов на нравы людей. Иногда мама принималась на полную мощность выпевать слова типа «шалаболки» и «фамбалы», стараясь лучше продемонстрировать Колямбе их фонетическое богатство. А когда представляла на месте сына своего давнего оппонента — профессора Гуревича, то срывалась на крик, а её жестикуляция принимала угрожающий оттенок.

Эту картину заприметил тот самый дяденька в камуфляжном костюме, который сейчас, при встрече, представился: «Полковник в отставке Дождиков, а лучше — просто Иван, или Петрович». Он — житель деревни, расположенной от Масловки в пятнадцать километрах, — колесил на своём «уазике» по окрестностям тоже в поисках берёз, подходящих для сбора сока. Зрелище возбуждённой женщины с гривой волос, вьющихся мелким бесом, и одетой в какую-то хламиду, да с топором, да издающую воинственные заклинания, и всё это вблизи малолетнего ребёнка, заставило Ивана Петровича насторожиться. «Шаманка. Или из секты, — решил он. — Затеваётся кровавое жертвоприношение». Он вылез из машины и последовал за «шаманкой» и её жертвой, не особо приближаясь. Когда же Колямба прислонился спиной к берёзе, а «научная мама» замахнулась топором, Петрович в два прыжка одолел разделяющее их расстояние и сграбастал злоумышленницу за руку. Ему было невдомёк, что мама собиралась всего-то сделать на стволе дерева зарубку о росте сына.

Как мы помним по истории с маслом, «научная мама» обладала искромётной реакцией. Она не выпустила из руки выдираемый незнамо кем топор и саданула им куда-то в сторону нападающего. И попала обухом прямо по его лбу.

У Ивана Петровича померкло сознание. Только одно слово извне пробилось сквозь туман: «Ухабака! Ухабака! Ухабака!»

Возможно, кому-то оно показалось бы странным и оставило равнодушным. Но угасающий разум Ивана Петровича обнял его из последних сил, расцеловал в каждый звук и, схватившись, как за спасительный канат,

ринулся обратно к жизни. Дело в том, что «ухабака» в череде обращений, которыми вятская бабушка награждала его в детстве за особо зверские проказы, стояло на первом месте. «Старая», — блаженно шептал Иван Петрович. Что весьма не понравилось Колямбе — он принял это на счёт «научной мамы». Сгоряча наш юный сосед связал ослабевшего Петровича пояском от маминной дизайнерской хламиды.

Но больше всего потрясло ушибленного Ивана Петровича другое. Слово «ухабака» произносилось басом, на который была способна лишь женщина его мечты, с которой он не встречался долгие годы, получив отказ вить семью сообща, — а именно Надежда Петровна. «Баинка моя», — прошепелявил он непослушными губами, обозначая свои чувства к Надежде Петровне. «Научная мама» не сомневалась: так могли называть только умеющих говорить особенно красиво и ласково. Она тут же потеплела душой к «злодею» и принялась каяться в «топорных действиях». Постепенно всё выяснилось. Пока ездили к Ивану Петровичу домой отмываться и украшать лоб пластырем (он захотел предстать перед Надеждой Петровной при полном параде), времени ушло много — не один час.

— Зато поговорили сейчас — как в раю побывали, — закончил свой рассказ Иван Петрович и, с робостью взглянув на Надежду Петровну, произнёс задушевно: — Баинка моя.

— Эх, ты, ухабака, — и Надежда Петровна подлила Ивану Петровичу черпачок крошки на берёзовом соку. Полковник привёз три фляги такого напитка. Сок пару недель настаивался в дубовой бочонке с ржаными сахарами, изюмом и лимонной корочкой и как раз поспел к застолью.

После этого мы ели самую вкусную в мире окрошку едва ли не каждый день. Половицы в доме радушно поскрипывали под начищенными полуботинками дорогого гостя.

Так это и сё.

Словарь вятского говора

Баинка — человек, который говорит особенно красиво и ласково.

Баско — красиво, хорошо.

Бахорить — разговаривать (иногда: привирать что-нибудь).

Выркать — ворчать (иногда: громко выражать недовольство с желанием прервать говорящего).

Губница — грибовница.

Еберза — человек, который брюзжит, всем недоволен.

Зуда — непоседливый человек.

Забаралужило — небо затянули тучи.

Зажулькало — захлюпало.

Затыркаться — устать от незначительных дел, суеты.

Керкать — кашлять.

Колды-балды — когда-нибудь.

Лико — глянь, как.

Мерек — чёрт.

Морговать — брезговать.

Окостыживаться — насторожиться.

Отпышкаться — отдышаться.

Перьмени — пельмени.

Побаститься — прихорошиться.

Пожавкать — поесть.

Поплескунчики — дождики, которые следуют один за другим.

Свинарь — груздь (иногда: чёрный подгруздок).

С крыши прёт — дует сильный ветер.

Ухабака — человек, который ведёт себя вызывающе.

Фамбалы — выдумки.

Фукнуть — вспыхнуть.

Чё ли чё — А что тебе? (в смысле — «что ты переживаешь?»)

Чиречит — речка шумит, переливается.

Шалаболка — болтушка.

Шишлять — выполнять какие-либо мелкие дела (иногда: выполнять дела медленно, как тихоня).

РЮКЗАК

Сегодня 30 августа — день рождения Колямбы. Мама и папа рано утром нагрянули в Масловку и вручили ему подарок. Да какой! Как только Колямбе этот подарок за спину повесили и за уши семь раз дёрнули, по количеству лет — как полагается, он сразу Витальке позвонил, чтобы тот быстрее к нему мчался. Такое счастье выдержать одному невозможно.

Мальчишки разложили подарок на большом диване и любуются. Мы с Юрой, приглашённые на праздничный завтрак, на них через открытую дверь с завистью поглядываем. Юра даже невпопад отвечает, потому что он ушами и глазами — там, с братушками.

Подарок — это огромный пятнистый рюкзак с разными карманами, на котором белыми буквами вышито «Выживай». А внутри него множество всяческих замечательных штук, предназначенных для того, чтобы человек, оказавшийся в лесу один, не пропал. И всё ладное, ловкое, настоящее.

— Смотри! Что это? Смотри! Класс! — доносятся из комнаты восторги Колямбы. А голоса Витальки не слышно. Притихший он сегодня, грустит о чём-то. Наверное, свой день рождения вспоминает. Тогда отчим ремень купил — кожаный, с красивой пряжкой. Но купил он его не Витальке, а себе. Сказал: «Десять лет — мужик взрослый, пора тебя по-мужицки воспитывать».

А Колямбе такое богатство привалило! В рюкзаке, например, труба подзорная — монокуляр, с семикратным увеличением. Её можно на руку повесить — для этого имеется специальный ремешок. Монокуляр лёгкий, мешать не станет. А какие ножички! На одном помимо лезвия — вилка и ложка, на другом — несколько разных заковыристых лезвий, пассатижи (легко гайки откручивать) и в придачу фонарик — «глазик» у него маленький, а тонкий луч далеко бьёт. Даже днём белый пронзительный свет слепит. На случай, если батарейка закончится, в рюкзаке есть другая вещь — динамо-прожектор. Жми-жми на ручку — и свет горит, даже мобильный телефон зарядить можно. Есть и третий ножичек — с треугольным коротким лезвием, а в рукоятке спрятана зажигалка. Имеется и огниво «вечные спички» — крохотная фляжечка, куда бензин надо заливать, и металлическая палочка с каким-то пучком на конце. Смочил её в бензине, чиркнул по боку фляжечки — разжигай костёр.

А ещё в рюкзаке: рогатка металлическая с двойной нервущейся резинкой, металлический стаканчик, сухое топливо в больших таблетках, леска с поплавками и крючками в коробочке, фляжка, котелок, бечёвка... Да много ещё чего есть, и всё первой мальчишеской необходимости! Каждая вещь сама по себе — ценность! А если все

вместе, с любовью и вкусом подобраны, то душа просто ноет от желания очутиться где-нибудь в дремучей чаще, и чтобы надо было спасти заблудившегося товарища, а где-то рядом — голодные медведи, волки и рыси, и чтобы ещё целая куча лесных передряг выпала, и чтобы из всех выпутываться и быть героем.

— Виталька, как мы без всего этого жили?! — вздыхает восхищённо Колямба.

Бабушка Одежда крестится и с облегчением бурчит:

— Я бы в целостности и сохранности внука не сберегла, если бы у него такое «богатство» сразу было!

А папа Колямбы довольно улыбается. Так довольно, что даже непонятно, кому он этот подарок купил — себе или Колямбе... Они с сыном — как две капли, только одна в два с половиной раза крупнее. Голубоглазые, у обоих длинные светлые кудри и характеры схожи — на месте не сидится.

Тут Наумовна пришла, три банки крыжовникового варенья Колямбе вручила. Ради торжественного случая при полном параде — голубой десантский берет к правому уху сдвинут, под камуфляжным жилетом новая футболка цвета хаки. Брюки тоже новые, камуфляжные. Она на торт и не взглянула, на бандану засмотрелась, которую Колямба на голову пытался повязать. Бандана — чёрная, с надписью огненными буквами «Остаться в живых».

— Да не так её крутишь! — не выдержала Наумовна. — Глянь, так надо! — и умело — хоп-хоп — повязала себе на голову. Ни один седой волосок наружу не торчит. — Крррасота! Пожалуй, мне такую надо, — и языком прищёлкнула.

Колямба нахмурился, сказал задумчиво:

— Вы, конечно, Наумовна, бабушка специального на-

значения. Но женщине боевая бандана вообще не подходит. Она просто как неправильно завязанный платок выглядит, — и распустил чёрный узел на её голове, свернул бандану и в рюкзаке спрятал.

Наумовна в ответ свой фирменный «гхм» произнесла — как затвор передёрнула.

А тут Юра и папа Колямбы решили наловить карасей к обеду.

— Караси в сметане — сладкие, — сообщил Юра, аппетитно причмокивая. — А можно их на мангале запечь, с лимончиком, травами! Генеральская еда!

— Только у нас удочек нет, — со значением произнёс второй «рыбак».

— Ну как же нет? — возмутился Колямба. — У нас теперь всё есть. Вот рыбацкий наборчик с блесной и поплавками!

— Тащи сюда, — хором обрадовались мужчины. — А заодно и фляжку давай — вдруг протекает, а мы её вовремя опробуем!

— Нет, — Колямба помотал головой. — Нет и нет! Зачем караси? Бабушка курицу пожарила! А фляжка — сразу видно — не протекает.

— Нууу, — обиделся папа Колямбы. — Я и не знал, что у меня сын — мелкий собственник.

— Я собственник не мелкий, а не наигравшийся!

— Сколько тебе времени надо, чтобы наиграться?

Колямба глаза закрыл — считает. Потом ответил задумчиво:

— Один или два.

— Часа? — Папа Колямбы мысленно уже руки потёр.

— Десятилетия! — отрезал Колямба.

— Ой, какой замечательный! — Мама Колямбы дос-

тала из бокового кармана на рюкзаке серебристый термос, похожий на снаряд. — Колямба, дай я шиповник в нём заварю. В термосе лучше всего настаивать! Вместе все и попьём.

— Походный термос для пустяков использовать?! — возмутился Колямба. — Для шиповника и кастрюля подойдёт. — И вернул термос в рюкзачный карман.

Дело кончилось тем, что родители Колямбы заперлись с Надеждой Петровной в комнате и принялись её ругать на два голоса:

— Мы тебе сына доверили, а ты из него жадину вырастила! С родными родителями поделиться не хочет!

— Скажите спасибо, что хоть не маньяка! — оправдывалась бабушка Одежда. — Я вам сейчас докажу, что вы не правы. Он от вас отвык просто. Привыкнет и снова делиться станет.

Она на цыпочках впорхнула в комнату, где Колямба с Виталькой вещицы из рюкзака рассматривали, и запела как могла ласковым голосом:

— Колямбочка, дорогой мой внучик, а давай мы сейчас самовар во дворе поставим. Как раз сухое топливо пригодится.

— И ничего оно, бабушка, не пригодится! — заявил Колямба. — Что вы все на мой рюкзак покушаетесь?! Я его никому не отдам. Ни рогатки, ни фонарика, ни железного стаканчика, ни... — И уже вот-вот заплачет.

Надежда Петровна, пристыженная, удалилась.

Я посуду после завтрака вызвалась помыть. Мне с кухни всё отлично слышно и видно: у мальчишек дверь нараспашку.

— Ну что они все пристали, — пожаловался Колямба Витальке. — С ерундой какой-то. Зачем рюкзак разрушать? Здесь же комплект!

Виталька ногой качал, а потом сказал:

— А я завтра в интернат уезжаю.

— В интернет? — переспросил Колямба.

— Не-а, — Виталька головой помотал. — В интернат. Там дети живут без родителей. Как детский дом. Так отчим решил. Ничего мне не говорил, думал, меня туда не возьмут. А вчера сказали ему: появилось свободное место. Завтра уезжаю. Утром.

Виталька качал и качал ногой. Чёрную голову вниз опустил.

— Ты очень б-боишься?

— Не-а, — сказал Виталька. — Ну, побьют. Там, говорят, всех новеньких бьют. А я тоже — как дам! — Виталька всхлипнул и улыбнулся.

— Ты только первым не начинай, Виталька... Если обзываться станут, не начинай, — сказал Колямба. — Ты ведь совсем драться не умеешь. Ещё хуже будет.

— Я как дам, и всё!

— А где этот интернат? — помолчав, спросил Колямба. — Далеко?

— Не-а, отсюда двадцатка километров.

— Это ерунда, мы к тебе приедем. Поедем в субботу бабушку навещать — и к тебе! Бабушка блинчики напечёт, как ты любишь — с яйцом и луком.

— Да, когда ты приедешь... У тебя школа начнётся, классные там собрания, экскурсии, музеи — замучают. Не-а, не приедешь. А я буду бить, чтобы не лезли.

Я ждала, что сейчас Колямба скажет: возьми, Виталька, рюкзак, возьми, он твой. Когда у человека такой рюкзак и много классных полезных вещей, на него никто руки не поднимет. И с ним тебе будет не так тоскливо без меня. С этим рюкзаком я как будто с тобой всегда

рядом буду. Так, именно так должен был поступить настоящий друг, каким и был, как мне казалось, Колямба. Но таких слов я не услышала. Наверное, слишком уж большое богатство для Колямбы этот рюкзак, чтобы с ним запросто расстаться.

Вытерла я последнюю тарелку и ушла на свою половину дома. Скоро новая жизнь начнётся — и для мальчишек, и для нас. Приедем в Масловку, а поговорить можно будет только с Одеждой Петровной да Наумовной. Грустно стало.

А после обеда Колямба с родителями начали загружать вещи в чёрный джип. Наумовна вышла с козой Матроской их провожать, мы с Юрой подтянулись. Захар у меня на плече сидит, расставил в разные стороны длинные уши — удивляется, зачем Колямба куда-то уезжать собрался. Надежда Петровна оторваться не может от внука, теребит его, но вместо слёз ругает и Колямбу, и родителей его, что не так вещи укладывают. Самый последний в очереди провожающих — Виталька.

— Ну, братушка, до скорой встречи! — сказал ему Колямба, свисток достал из кармана и на крохотный компас, вделанный в него, взглянул со значением.

И Виталька точно такой же свисток достал и на компас глянул. А потом как дунут вместе в свисток!

— Поехали быстрее! — поморщился Колямбин папа и забросил в багажник пятнистый рюкзак.

Ничего, папа быстро к свисту привык, как показали дальнейшие события. О них нам позже поведала Надежда Петровна.

Колямба не из жадности подарил Витальке не весь рюкзак, а только один из свистков с компасом, которых там оказалась пара. «Посмотрю на стрелочку

компаса, — говорил Колямба Витальке, — и сразу вижу, где восток, в каком ты направлении. И ты посмотришь и видишь, где запад, а там я». Стрелочки дрожали, как живые. А если ещё свистнуть, то можно представить, что где-то также свистит друг — сразу хорошо станет. Свисток можно носить в кармане, чтобы никто не видел и не завидовал. Это вам не рюкзак. У Колямбы созрел в голове другой план, связанный с ним, более дельный. И главное, этот план удался.

Однажды, в сентябрьскую субботу, в ворота детского интерната въехал чёрный джип. Из него вышли Колямба с папой. На плече у несколько растерянного и даже, может быть, чуть сердитого папы висел пятнистый рюкзак. Двое приехавших сразу прошли в кабинет директора интерната.

— Я бы мог с вашими ребятами в походы ходить и обучать разным правилам безопасного поведения в лесу, — сказал папа директору. Особой радости в голосе у него не было. Но Колямба так широко улыбался, демонстрируя уверенность в успехе проекта, что директор тут же согласился.

И папа, Колямба и Виталька, а также два десятка интернатских мальчишек и девчонок стали ходить в походы. Рюкзак постепенно раздувался, потому что, как выяснилось, для настоящих путешественников в нём ещё много чего не хватало. Например, подводного фонарика, походной аптечки, спасательного алюминиевого одеяла, покрытого защитной плёнкой, — в жару под ним не жарко, в холод — не холодно ...

Самым заядлым путешественником и самым умелым оказался Виталька, за что папа Колямбы и все ребята его зауважали.

А Колямба — Колямба просто сиял от радости! И совсем не переживал, что у него самого пока не получается ловко вязать морские узлы, как у братушки. Не в узлах ведь дело. А в чём? А в том, что не только взрослые воспитывают детей, но и дети очень воспитывают взрослых. Дети воспитывают взрослых замечательно, всей душой! Но это — очень большая тайна, никому её не выдавайте.

Продолжение следует

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 25

КРОКУС

Дорогие друзья, за окном весна, скоро начнут распускаться первоцветы. Давайте-ка и мы сплетём один из них — крокус.

Растёт крокус небольшим кустиком, в центре которого располагаются три-пять цветков, а по кругу — много тонких и длинных листиков. Цветы могут быть лилового, фиолетового, голубого, белого и ярко-жёлтого цвета, листья, как правило, тёмно-зелёные с белой полоской по центру. У крокуса очень красивая серединка, она похожа на огонёк свечи.

Для цветка нам понадобится бисер любого из выше перечисленных оттенков, для серединки возьмём бисер ярко-жёлтого и оранжевого цветов, а для листьев — тёмно-зелёный и белый. Белый цвет можно заменить светло-зелёным.

Я использую довольно мелкий чешский бисер № 10, но можно взять и покрупнее. Китайский бисер в данной работе подойдёт только для листьев, потому что цветок мы будем плести в технике двойного параллельного

плетения, а чтобы он получился красивым, нужен идеально ровный калиброванный бисер.

Также нам понадобятся проволока под цвет выбранного бисера, флористическая лента, гипс, декоративный грунт и горшочек.

Крокус состоит из шести лепестков — трёх внутренних и трёх внешних более крупного размера и серединки.

Начнём с малого внутреннего лепестка.

Будем его плести в технике двойного параллельного плетения (подобным образом мы уже плели листья для веточки дуба).

Нам понадобятся два отрезка проволоки по 35 сантиметров и бисер того цвета, который мы выбрали для цветка (лиловый, фиолетовый, голубой, белый или ярко-жёлтый).

На один отрезок проволоки нанизываем семнадцать бисерин и проплетаем восемь бисерин навстречу, то есть на левый конец нанизываем все бисерины, а правым проходим справа налево через семнадцатую, шестнадцатую, пятнадцатую, четырнадцатую, тринадцатую, двенадцатую, одиннадцатую и десятую бисерины — именно в этом порядке.

Мы давно не работали в технике параллельного плетения, поэтому я решила напомнить, как это делается. Выравниваем концы проволоки. Берём второй отрезок и проходим им через восемь не проплетённых бисерин, так же выравниваем концы проволоки. С одной стороны концы проволоки выходят из соседних бисерин, а с другой между концами остаётся ещё одна бисерина — это будет верх нашего лепестка. Очень аккуратно, чтобы не выдернуть проволоку, на любой из нижних концов нани-

зывает одну бисерину и проходим другим навстречу, опять же аккуратно затягиваем. Нижние концы, если кто-то не понял, — это те, которые выходят из соседних бисерин.

Мы сплели два центральных ряда нашего лепестка. Теперь поворачиваем работу таким образом, чтобы верхние концы были слева, а нижние — справа. На любой из верхних концов нанизываем десять бисерин и соответствующим нижним концом проплетаем только семь (три бисерины слева остаются не проплетенными).

Повторяем то же самое на другой паре концов проволоки, снизу закрепляем оба ряда одной бисериной так, как мы только что делали при плетении двух центральных рядов. Снова поворачиваем работу так, чтобы её верх находился слева, и плетём следующую пару рядов: нанизываем десять бисерин, а проплетаем только пять.

Повторяем то же самое с другой стороны и снова закрепляем пару рядов одной бисериной. В следующей паре рядов нанизываем семь бисерин, проплетаем четыре и закрепляем одной бисериной. Далее нанизываем четыре бисерины, проплетаем три и закрепляем одной бисериной.

Теперь под этой одной бисериной аккуратно подкручиваем концы проволоки на пару оборотов.

Берём работу так, чтобы все четыре конца проволоки смотрели вверх, делим их на две пары — левую и правую. На левой паре концов в технике обычного параллельного плетения выполняем схему: 3, 2, 1. Под последней бисериной подкручиваем концы проволоки.

Переходим к правой паре концов проволоки. На тот конец, что ближе к середине лепестка, нанизываем три бисерины и проходим другим навстречу. Затем этот

другой конец продеваем между рядами, в которых три и две бисерины (уже сплетённой части), и продёргиваем до характерного щелчка и на него же нанизываем две бисерины, снова проплетаем другим навстречу. На любой из них нанизываем ещё одну бисерину и снова проплетаем навстречу. Подкручиваем концы проволоки. Завершая плетение лепестка, подкручиваем все концы проволоки. Один лепесток готов.

Обращаю ваше внимание на то, что верхнюю часть лепестка мы плели в технике двойного параллельного плетения, а нижнюю — в технике параллельного плетения с приплетением. Также не забывайте, что ряд с тремя бисеринами мы не приплетали, потому что уже скрутили концы проволоки, закрепляя предыдущую пару рядов.

Нам понадобится сплести ещё два таких лепестка. Их нужно приплетать друг к другу, начиная с ряда, в котором три бисерины. Последний ряд, в котором одна бисерина не приплетается. Таким образом, мы будем приплетать только два ряда.

Работа эта не совсем простая, но если приложить старание и терпение, то всё получится. Можно сплести и отдельно три лепестка, но потом их придётся сшивать дополнительным отрезком проволоки.

Большие лепестки плетутся точно так же, в них только чуть более длинные ряды.

Нам понадобятся два отрезка проволоки по 40 сантиметров и бисер того же цвета, что и для внутренних лепестков.

На один отрезок проволоки нанизываем двадцать одну бисерину и проплетаем десять бисерин навстречу, то

есть на левый конец нанизываем все бисерины, а правым проходим справа налево через двадцать первую, двадцатую, девятнадцатую, восемнадцатую, семнадцатую, шестнадцатую, пятнадцатую, четырнадцатую, тринадцатую, двенадцатую и одиннадцатую бисерины — именно в этом порядке.

Выравниваем концы проволоки. Берём второй отрезок и проходим им через десять не проплетенных бисерин, так же выравниваем концы проволоки. С одной стороны концы проволоки выходят из соседних бисерин, а с другой между концами осталась ещё одна бисерина — это будет верх нашего лепестка. Очень аккуратно, чтобы не выдернуть проволоку, на любой из нижних концов нанизываем одну бисерину и проходим другим навстречу, опять же аккуратно затягиваем. Нижние концы — это те, которые выходят из соседних бисерин.

Мы сплели два центральных ряда нашего лепестка. Теперь поворачиваем работу таким образом, чтобы верхние концы были слева, а нижние — справа. На любой из верхних концов нанизываем тринадцать бисерин и соответствующим нижним концом проплетаем только десять (три бисерины слева остаются не проплетенными).

Повторяем то же самое на другой паре концов проволоки, снизу закрепляем оба ряда одной бисериной так, как мы только что делали при плетении двух центральных рядов. Снова поворачиваем работу так, чтобы её верх находился слева, и плетём следующую пару рядов: нанизываем тринадцать бисерин, а проплетаем только восемь. Повторяем то же самое с другой стороны и снова закрепляем пару рядов одной бисериной. В следующей паре рядов нанизываем одиннадцать бисе-

рин, проплетаем четыре и закрепляем одной бисериной. Далее нанизываем пять бисерин, проплетаем четыре и закрепляем одной бисериной.

Теперь под этой одной бисериной аккуратно подкручиваем концы проволоки на пару оборотов.

Берём работу так, чтобы все четыре конца проволоки смотрели вверх, делим их на две пары — левую и правую. На левой паре концов в технике обычного параллельного плетения выполняем схему: 4, 3, 2, 1. Под последней бисериной подкручиваем концы проволоки.

Переходим к правой паре концов проволоки. На тот конец, что ближе к середине лепестка, нанизываем четыре бисерины и проходим другим навстречу. Теперь этот другой конец продеваем между рядами, в которых четыре и три бисерины (уже сплетённой части), и продёргиваем до характерного щелчка и на него же нанизываем три бисерины, снова проплетаем другим навстречу.

Затем конец проволоки, расположенный ближе к центру, продёргиваем между рядами, в которых три и две бисерины. Снова на него же нанизываем уже две бисерины и проходим другим навстречу. На любой из концов нанизываем ещё одну бисерину и снова проплетаем навстречу. Подкручиваем концы проволоки.

Завершая плетение лепестка, подкручиваем все концы проволоки. Один большой лепесток готов. Точно так же плетём два других лепестка. Способ присоединения одного лепестка к другому выбираем самостоятельно, в зависимости от опыта и навыков.

Переходим к серединке.

Возьмём отрезок проволоки длиной сантиметров 35, из оранжевого бисера сплетём три плоские петли по

шесть бисерин, то есть на любой из концов проволоки нанизываем шесть бисерин и проходим другим концом в шестую бисерину так, чтобы он вошёл между пятой и шестой бисеринами, а вышел параллельно другому концу. Можно взять и нечётное количество бисера, например, пять или семь штук и просто подкрутить под ними концы проволоки на несколько оборотов, слева и справа от этой петли сделать ещё по одной. Оба варианта хороши, но первый выглядит более аккуратно, а во втором нужно уметь не просто аккуратно, но ещё и красиво подкручивать проволоку. Попробуйте оба и решите, что вам больше по душе.

Соберите три петельки в полураскрывшийся бутончик. На каждый из концов проволоки нанижите бисерин по шесть-семь жёлтого цвета, закрепите одной бисериной внизу и слегка поверните по часовой стрелке, создавая некое подобие спирали. Количество жёлтого бисера можно регулировать (серединка по высоте должна доходить приблизительно до середины внутренних лепестков). Серединка готова.

Листья у крокуса длинные и узкие, их должно быть достаточно много, чтобы цветок смотрелся живо. Длина листа тоже может быть разной.

На середину проволоки длиной 45 — 50 сантиметров нанижем одну тёмно-зелёную бисерину и сразу на оба конца штук пятьдесят бисерин белого или светло-зелёного цвета. Здесь лучше не считать, а воспользоваться линейкой, нам понадобится сантиметров 10 — 12 нанизанного белого или светло-зелёного бисера.

Затем разводим концы проволоки, на любой из них нанизываем одну тёмно-зелёную бисерину и проходим

другим концом навстречу. Далее на каждый из концов нанизываем тёмно-зелёного бисера также сантиметров 10 — 12, опускаем концы вниз работы и проходим поочередно через самую первую тёмно-зелёную бисерину навстречу. У нас должен получиться длинный узкий лист, состоящий из трёх рядов, средний из которых белый или светло-зелёный. Внизу подкручиваем концы проволоки. Таких листиков разной длины нужно сделать штук пятнадцать-двадцать, а цветков, по желанию, — три или пять.

Переходим к сборке.

Меньшие лепестки помещаем внутри больших и располагаем их в шахматном порядке, туда же помещаем нашу серединку, аккуратно подкручиваем на несколько оборотов все концы проволоки. Обматываем стебли флористической лентой.

Цветы располагаем в центре композиции, а листья — по кругу. К каждому цветку подплетаем по несколько зелёных листиков, обматывать их флористической лентой не нужно, так как подплетаются они без черешка. Какие-то листочки можно направить вверх, а какие-то слегка изогнуть и опустить вниз на горшочек.

Подобный букет лучше сажать в невысокий горшочек или вазочку так, чтобы он был похож на комнатный цветок.

По-прежнему жду от вас вопросы, предложения и фотографии ваших работ.

Ваша Лариса Андреевна